

ЮБИЛЕЙ ЮВЕЛИРА / КОРОЛЕВА СЕРДЦА**Никола МакОлифф****Перевод Ольги Варшавер и Татьяны Тульчинской**

СКРОМНАЯ, ТЕСНАЯ ОТ МЕБЕЛИ И ВЕЩЕЙ ГОСТИНАЯ В ДОМИКЕ
МОРИСА И ХЕЛЕНА. ВИДНА ВХОДНАЯ ДВЕРЬ.

ЗА БОЛЬШИМ ОКНОМ – САД И ШИРЬ НЕБА.

ХЕЛЕНА НАРЯЖЕНА И НАКРАШЕНА. ОДЕЖДА ПОНОШЕННАЯ, НО
ХОРОШЕГО КАЧЕСТВА. МОРИС – НЕСМОТРЯ НА ВОЗРАСТ –
ЩЕГОЛЕВАТ И ОБАЯТЕЛЕН.

КЭТИ СОЛСБЕРИ – МЕДСЕСТРА НЕОПРЕДЕЛЕННОГО ВОЗРАСТА,
ОДЕТА ЛИБО В БЕЛЫЙ ХАЛАТ, ЛИБО В МАЛОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ
НЕЧТО. ОНА ВООБЩЕ МАЛОПРИМЕЧАТЕЛЬНА.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ХЕЛЕНА: Неужели Морис так плох? Круглосуточная сиделка? Кэти,
поверьте, я прекрасно справляюсь.

КЭТИ: Конечно, миссис Ходжер... Но я здесь, и я сниму с вас часть
забот.

МОРИС: Хотите чаю?

КЭТИ: Пожалуй, да. Спасибо. (ХЕЛЕНЕ) Какой красивый кулон!

ХЕЛЕНА: Я была на Гоа, не смогла удержаться... Там женщины прямо на
пляже всякую всячину продают, и украшения тоже. Вы бы видели,
какие тощие у них щиколотки! Морис, помнишь, я хотела купить
пару браслетов, которые там на ногах носят? И представьте, на
меня ничего не нашлось, у них ноги вдвое тоньше моих! А у меня
ведь ножки, как у воробушка...

МОРИС: И ножки как у воробушка, и щебечет без перерыва. Клюв не
закрывается.

ХЕЛЕНА: А в Сенегале Морис хотел купить кольцо... простое золотое, даже
без камней. Мы были в круизе, на лайнере «Королева Елизавета
II». Нас целый день катали на автобусе по городу, но
представьте...

МОРИС: Там, кстати, чудные золотых дел мастера, филигранно работают...

ХЕЛЕНА: ... но кольца золотого тебе не нашли. И смех и грех, ей-богу... Как они суетились, вы бы видели! Столько колец перемерили – ему они даже на мизинец не налезли, помнишь, Морис? А ведь Морис совсем не великан, правда?.. Мы куда только не путешествовали. На «Королеве Елизавете». А какую еду на борту подают! Вы не поверите: вот такая гора креветок! Копченый лосось – сколько душе угодно. По возвращении ничего не налезало – приходилось обновлять гардероб. А на пятидесятилетие Мориса мы отправились в кругосветку, как герои Жюль Верна. На Гоа мне выкрасили руки хной. Потрясающе! А еще мы занимались благотворительностью.

КЭТИ: Правда?

ХЕЛЕНА Да-да! Мы выбрали двух маленьких девочек, посылали им деньги, я ездила их навещать. Целое приключение. Спать пришлось в такой... ну, в общем, такая... кабинка с металлической крышей.

КЭТИ: А вы, мистер Ходжер? Не поехали?

МОРИС: С какой стати? Вы сами-то бывали в Индии? Там делать нечего – Империя все сливки уже сняла. Алмазы, рубины, изумруды с яйцо величиной. Не перепелиное, заметьте. Куриное. Пасхальное.

ХЕЛЕНА: Но вы же понимаете, как это важно? Образование для девочек? Это ключ к миру и процветанию во всем мире. Вы согласны? А еще мы жертвовали деньги непальцам, семье гуркхи.

МОРИС: Да не семья... просто старый вояка...

ХЕЛЕНА: Да-да, гуркхи – потрясающие воины. Говорят, они ни имеют права убрать в ножны свои... ну, Морис, как их... Ну?

МОРИС: Кукареку.

ХЕЛЕНА: Нет. Куриное слово, но не такое... Ну, в общем, кривые ножи...

МОРИС: Ко-ко-ко.

ХЕЛЕНА: Ну тебя! Так вот, эти ножи, если уж вынуты из ножен, должны обагриться кровью. Кэти, вы наверняка знаете. Ну, как они называются?

КЭТИ: Кхукри.

ХЕЛЕНА: Правда? Вы уверены?

КЭТИ: Абсолютно.

ХЕЛЕНА: Морис, она правильно сказала?

МОРИС: Как?

ХЕЛЕНА: Кукри.

МОРИС: Да.

ТЕЛЕФОН КЭТИ СИГНАЛИТ – ПРИШЛА СМСка.

КЭТИ: Извините. (ЧИТАЕТ ТЕКСТ) Нда, печально... Одной моей пациентке стало лучше, а у нее дом во Франции, и она собралась туда съездить напоследок... попрощаться... Но вот рецидив. Все планы рухнули...

ХЕЛЕНА: Да-а, а евро-то как рухнул, просто катастрофа! Морис говорит, что Германия с Францией ведут себя отвратительно: словно выиграли кучу денег в лотерею, позвали бедных родственников в дорожный ресторан, а теперь требуют оплачивать счет вскладчину.

КЭТИ: Я никогда не была в дорогом ресторане. Однажды попала в очень приличный, рядом с театром Ковент-Гарден, и за соседним столиком сидел Клинт Иствуд.

ХЕЛЕНА: А-а, мы тоже там были, перед спектаклем... Что мы тогда смотрели, Морис?

МОРИС: Э-э, не знаю. Как будто Дэвида Хэйра. В Национальном театре. Там, за углом. Супруга когда-то обожала этот театр. И парковка там хорошая.

ХЕЛЕНА: Не называй меня “супругой”... А то чувствую себя... бивнем мамонта. На самом деле, Кэти, я выскочила замуж совсем девочкой, я на двадцать пять лет моложе Мориса. На четверть века! Надо же было додуматься!..

МОРИС: Алмазик в два карата помог. В платиновой оправе.

ХЕЛЕНА: Так вот, сидим мы в ресторане, и приходит эта ужасная женщина...

МОРИС: Попа больше головы...

ХЕЛЕНА: С ней целая куча детей, все вопят как резаные. И никто в ресторане ей слова не скажет.

МОРИС: Десять секунд этого визга, и хочется пожертвовать крупную сумму обществу по защите аборт.

ХЕЛЕНА: И вдруг один парень как гаркнет на весь ресторан...

- МОРИС: «Мамаша, заткните на фиг свой выводок! Это ресторан, а не детский сад!»
- ХЕЛЕНА: И тишина... Никто не знает – прятаться или аплодировать. Тетка, конечно, в ярости, идет к парню и говорит (С НАЖИМОМ, САРКАСТИЧЕСКИ): «Ах, извините-простите! Я не звезда голливудская, а всего лишь жена менеджера миллионного биржевого фонда, и наши дети привыкли выражать свои эмоции».
- КЭТИ: А он что?
- МОРИС: А он говорит: «Я тоже привык выражать эмоции! Что мне теперь, оглохнуть, если вы со своим биржевым хапугой плодитесь как кролики?!» По-моему, геройский мужик.
- ХЕЛЕНА: Хотите бутерброд? Вот тут с курицей, а это с языком.
- КЭТИ: О... простите... Я вегетарианка.
- ХЕЛЕНА: (БЕЗ ТЕНИ ЮМОРА) Но вы же сиделка.
- КЭТИ: Клиентов мы не едим.
- ХЕЛЕНА: Да, но... надеюсь, вы не брезгливы... (С УДВОЕННОЙ ЭНЕРГИЕЙ) Ой, а у меня еще баночка с крабовой пастой есть. Хотите бутербродик – крабовая паста, майонез, кусочек огурца?
- КЭТИ: Нет, я вегетарианка.
- ХЕЛЕНА: Многие вегетарианцы едят рыбу.
- МОРИС: С каких пор краб стал рыбой?
- ХЕЛЕНА: А яйца вы едите?
- КЭТИ: Ем. Я не строгая вегетарианка.
- ХЕЛЕНА: Как же вы с голода не помираете? Без белков... Это ваша религия запрещает?
- МОРИС: Да что ты привязалась? Ну, вегетарианка. Не прокаженная ведь.
- ХЕЛЕНА: Ну что ты, Морис? Мне просто интересно. Вот евреям, например, нельзя есть моллюсков.
- МОРИС: Кэти не еврейка.
- ХЕЛЕНА: Сама вижу.

- МОРИС: И как, интересно, ты видишь?
- ХЕЛЕНА: Она не носит парик. (ОБРАЩАЕТСЯ К КЭТИ) Морис сам наполовину еврей. Его мать...
- МОРИС: ...не была еврейкой.
- ХЕЛЕНА: ... носила парик.
- МОРИС: Она была лысой. (ОБРАЩАЕТСЯ К КЭТИ) По-научному, алопéция.
- ХЕЛЕНА: Но ведь ее девичья фамилия Грин.
- МОРИС: И что? Твоя девичья фамилия Шмельтер, но ты не немка.
- ХЕЛЕНА: Типичная польская фамилия. Я родом из Польши.
- КЭТИ: Вегетарианство – мой личный выбор. Я не ем мертвых животных.
- ХЕЛЕНА: О, раз выбор личный, значит, будете крабовую пасту?
- КЭТИ: Нет. Мне не хочется вас огорчать, но я не могу это есть.
- ХЕЛЕНА: Вы сами сказали: выбор. Значит, вам решать. Вот, если у вас аллергия на крабовое мясо, тогда другое дело.
- МОРИС: Кэти, так где вы работаете?
- КЭТИ: Ну, раньше я работала в Больнице Святого Фомы и в Роял Марсен. Тридцать лет в государственном здравоохранении. Потом пошла в паллиативную медицину. В сиделки... Наш офис находится возле Бромптона.
- МОРИС:** **Значит, все ваши пациенты в терминальной стадии?**
- КЭТИ: Да.
- МОРИС: Все старики?
- КЭТИ: Нет. В последнее время – нет.
- МОРИС: И сколько же у вас пациентов?
- КЭТИ: В каждый отдельный период – один.
- МОРИС: Частая смена состава?
- КЭТИ: По-разному. Но пока я работаю с пациентом, мое внимание направлено только на него, двадцать четыре часа в сутки.

- МОРИС: За это и платим.
- КЭТИ: Можно и так сказать. Если угодно. Но я всегда честно работала, неважно по часам или за зарплату.
- ХЕЛЕНА: И вы останетесь тут до... пока...
- МОРИС: ... пока я не умру. Так?
- КЭТИ: Да.
- МОРИС: Что ж, раз вы остаетесь, я снимаю эти чертовы туфли. Она меня с самого утра прихорашивала... Чтобы вас не отпугнуть.
- ХЕЛЕНА: Погодите! Он не собирается умирать!
- МОРИС: Женщина! Не говори чушь! Послал же бог...
- ХЕЛЕНА: Нет, ты сам-то на себя посмотри! Ты же вполне здоров. Ну, голова иногда побаливает, бывает... я вообще думаю, это от чая. Он пьет слишком много чая, Кэти. Желудок наверно весь в патине, как старая немытая чашка. А рататуй покушаете? Я купила баночку еще перед Рождеством, но мы так до нее и не добрались. Морис никакую траву не признает, разве что брюссельскую капусту.
- КЭТИ: Спасибо. Но, пожалуйста, не беспокойтесь. Я ведь не есть к вам пришла, а работать...
- ХЕЛЕНА: Да какая сейчас работа? Он здоров. Верно, Морис?
- МОРИС: Гмм... да... вполне. Мы вас хотим устроить поудобнее, чтобы вам было тут хорошо. Может, вам предстоит прожить тут много лет? Если через пять лет я буду еще жив, она, небось, скажет: "Когда же он сдохнет?" А мы с вами следующим летом отправимся прыгать через пропасть. На тарзанке.
- ХЕЛЕНА: Мои племянники прыгали, специально во Флориду ездили. Как эта тарзанка правильно называется? Баржи? Бриджи? Ну, в общем, дети в полном восторге!
- МОРИС: Конечно в восторге. Чистый адреналин. Кому не понравится?
- ХЕЛЕНА: Мне, например.
- МОРИС: Хелена, ты – королева моей души. Но ты уже не девочка. Для малышни где адреналин, там и счастье. Для молодежи все это тоже связано напрямую, а вот для нас, стариков, счастье – просто жить. В нашем возрасте можно просто быть счастливым, без всяких причин.

- ХЕЛЕНА: Что значит “*в нашем возрасте*”?
- КЭТИ: А как же тогда человеку узнать, что он счастлив?
- МОРИС: Да никак. Я вам рассказываю, что ученые пишут.
- КЭТИ: Мой папа всегда говорит, что счастье – это когда есть, чего ждать.
- МОРИС: Да ну? Тогда я точно счастлив. Мне есть, чего ждать. Но если слишком ждать... начинаешь бояться, что этого не будет. И счастье... превращается в страх.
- ХЕЛЕНА: Ну, разумеется, я всегда могу что-то приготовить из яиц. Хотите омлет с сыром?
- КЭТИ: Ну что вы, миссис Ходжер! Спасибо, не надо меня угощать. Я сыта. Честное слово!
- МОРИС: Вы будете в белом халате ходить?
- КЭТИ: Ну... да.
- МОРИС: Хорошо. Ангел смерти не носит модных шмоток.
- КЭТИ: Я за модой не гонюсь.
- ХЕЛЕНА: Морис, какой ангел? Ты опять о смерти? Прекрати! Я уверена, что это ошибка. Такое бывает, довольно часто. Люди прощаются с жизнью, раздают имущество, а потом выясняется, что врачи ошиблись.
- МОРИС: Ну, об этом можно не беспокоиться... Мне раздавать нечего. Что это у вас? На пальце. Обручальное кольцо?
- КЭТИ: Обручальные на другой руке носят.
- МОРИС: Гмм... Но оно было обручальным, разве нет?
- КЭТИ: Нет.
- МОРИС: Хорошо. Там у вас кубический цирконий. Искусственный камень.
- КЭТИ: А блестит как настоящий.
- МОРИС: Подделка. Фианит.
- ПАУЗА.
- КЭТИ: Вы ведь ювелир?..

МОРИС: Был когда-то.

ХЕЛЕНА: Морис – знаменитый ювелир. Он делал огранку «Дурбанской звезды». Я правильно назвала? Это самый крупный алмаз чистой воды. Без единого изъяна.

МОРИС: Он безупречен. И не самый крупный.

ХЕЛЕНА: А в газетах писали, что самый. Знаете, огранка алмазов – очень сложное дело. Они не прощают ошибок.

МОРИС: Вам нравятся алмазы?

КЭТИ: Не знаю. Я, кажется, вообще никогда не видела их вблизи. Думаю, я... вряд ли отличу этот, знаменитый... Кохинор!.. от простой стекляшки.

МОРИС: Послушайте, вы способны отличить электрическую лампочку от луны? Да? Вот и славно. Значит, не говорите чушь. Вы же неглупая девочка.

ХЕЛЕНА: Морис!

МОРИС: Что?

ХЕЛЕНА: Пойду за рататуюем. Куда я эту банку запрятала, Морис, в кладовку, что ли?

МОРИС: Понятия не имею.

ХЕЛЕНА ВЫХОДИТ.

КЭТИ: «Дурбанская звезда». Я слышала это название.

МОРИС: Где мои тапочки?

КЭТИ: Вы владели таким большим алмазом?

МОРИС: Я? Ха-ха. Нет! Просто мне посчастливилось держать его в руках. Совсем недолго. По-моему, у меня жутко распухли ноги. Вообще как-будто не мои. На отцовы похожи. Да. Мои ноги там, внутри носков, превращаются в чьи-то чужие ноги.

КЭТИ НАХОДИТ ЕГО ТАПОЧКИ.

КЭТИ: Эти?

МОРИС: Ага. Они тоже новые. В вашу честь.

КЭТИ: Очень красивые.

МОРИС: Ничуть. Омерзительные. Тапки на липучках, штаны на резинке, кофта на молнии. Все подменили!

КЭТИ: У вас было свое дело?

МОРИС: Гммм? Да, открыл свое... когда ушел из компании Де Бирс. А ходил я тогда в костюме тонкой шерсти... пиджак двубортный... Модельные туфли от королевских обувщиков. Шелковый галстук. Запонки...

КЭТИ: У вас была мастерская? Магазин?

МОРИС: Все было. Ювелирное дело.

КЭТИ: А где?

МОРИС: Последняя мастерская была в Колчестере.

КЭТИ: Чудный городок.

МОРИС: Вы бывали в Колчестере?

КЭТИ: Нет.

МОРИС: Дыра у черта на задворках.

КЭТИ: А-а...

ПАУЗА. МОРИС ВОЗИТСЯ С ТАПОЧКАМИ

КЭТИ: Ваш врач дал мне посмотреть сканы.

МОРИС: А я и смотреть не стал. Все равно ничего бы не понял... вам нравится Феликс Топольский?

КЭТИ: Простите, я не... А кто это?

МОРИС: Художник. Ныне покойный. Делал фреску в Букингемском дворце. Чем и поставил жирный крест на своей репутации. У меня есть его работа. Настоящий Топольский. Эта картина – часть жизни королевы... И для меня, ее старинного знакомца... картина – свидетель былого... В старом доме она висела у нас на стене. Но здесь и повесить-то некуда...

КЭТИ: А можно посмотреть?

МОРИС: И как нас угораздило? Как занесло в эту клеть? Хелена объявила друзьям, что мы «ужимаем габариты». Но только полный идиот

может «ужать габариты» из шикарной квартиры в шикарном районе до этой хибары у черта на рогах. Разве что к кладбищу поближе... Вот она, картина. (ДОСТАЕТ ИЗ-ЗА ШКАФА ЗАВЕРНУТУЮ КАРТИНУ)

КЭТИ: О-о... Да...

МОРИС: (ГЛЯДЯ НА КАРТИНУ) Хочу вас сразу предупредить... средства наши... ограничены... Хелена не знает – не хочу ее волновать. Так что я протяну максимум пару-тройку месяцев. Больше не могу себе позволить. Но и этих на порог не пущу, соцработников или как их там... которых к больным прикрепляют задарма. Ходят табунами, в одной руке катетер, в другой – мобильник.

КЭТИ: Стало быть, мистер Ходжер, вы согласны? Берете меня в сиделки?

МОРИС: Мне вообще не нужна сиделка. Но она... она просто не справится. Переодевать меня, переворачивать... Да с какой стати ее этим загружать? Лучше уж пусть за мной сиделка за деньги ухаживает, чем она через силу.

КЭТИ: Как сейчас ваши головные боли?

МОРИС: Лучше.

КЭТИ: А если честно?

МОРИС: Пара таблеток солпадеина, побольше виски – и порядок. Терпеть можно.

КЭТИ: Мистер Ходжер...

МОРИС: Зовите Морисом. Доктор Вернон сказал: опухоль мозга?..

КЭТИ: К сожалению, их там восемь. Совсем маленьких. У основания черепа. Доктор Вернон попросил, чтобы я вам все разъяснила. Вы ведь к нему не ходите. Уже три раза на прием не пришли.

МОРИС: Три раза? Ох... Плохо дело. Человек сидел, ждал впустую. Нехорошо.

КЭТИ: Боль вызвана отеком тканей вокруг новообразований... сами опухоли не болят.

МОРИС: Удивительно... представляете, королева каждый день ходит мимо примерно такой картины... Если она, конечно, во дворце. Иные художники, следуют духу времени, сладострастно изображают душевные язвы, а Топольский относился к человеку с сочувствием. Нынче это не модно.

- КЭТИ: Я буду вводить вам стероиды, чтобы уменьшить отеки.
- МОРИС: Стероиды? Да они все что хочешь скукожат! Не только отеки.
- КЭТИ: Морис, вам восемьдесят девять лет. Все давно скукожилось, не горюйте.
- МОРИС: Ну, мечты возрастом не укротишь. Посмотрите-ка на меня. Я еще ого-го. Прекрасно вас слышу, только говорите погромче и ближе к правому уху. И газету могу читать, если вожу носом по бумаге... а лучше – с лупой. Я двигаюсь, хожу на своих двоих. У меня гвардейская выправка, горячее сердце и сильные легкие. Разве что подагра иногда взыграет. Зубы вставные, но три живых, моих собственных!
- КЭТИ: Вы – чудесный.
- МОРИС: Вот и не выписывайте мне лекарств. И вообще – вы сиделка, а не врач.
- КЭТИ: Мистер Ходжер, я – квалифицированная медсестра. У меня диплом и огромный опыт. Я вправе прописывать вам лекарства. А доктор Вернон будет нас с вами курировать.
- МОРИС: Рак... Послушайте, ну почему у меня рак, а не... Срак? Терминальная стадия срака. Мой срак угомонился, наступила ремиссия. Срак простаты. Срак мозга...
- КЭТИ: Мы думаем, началось не с мозга.
- МОРИС: Мой срак?
- КЭТИ: Все-таки с репродуктивной системы. С половых органов.
- МОРИС: Эх, эти органы и не помнят, когда трудились в последний раз. А я, пожалуй, забыл, как презерватив надевается.
- КЭТИ: Доктор Барлоу из урогенитального отделения хочет вас осмотреть.
- МОРИС: Это еще зачем? Пыль с члена стереть?
- КЭТИ: Пролечить некоторые пораженные области.
- МОРИС: Заплата тут, заплатка там...
- КЭТИ: К сожалению, клетки распространились по организму.
- МОРИС: Ага, от яиц до самых до мозгов! Зато в ногах – родная подагра.

- КЭТИ: Медицина умеет многое.
- МОРИС: Умеет вылечить рак мозга?
- КЭТИ: Нет.
- МОРИС: Так чего суетиться? Что ж... Сколько осталось?
- КЭТИ: Трудно сказать...
- МОРИС: Да бросьте. Вы же Ангел смерти. Обязаны знать.
- КЭТИ: Ну, врачи считают... от двух до шести... самое большее...
- МОРИС: Лет? (ПАУЗА) Месяцев?
- КЭТИ: Недель.
- МОРИС: Ну, у меня только головные боли. Только головные...
- КЭТИ: Мистер Ходжер, мы же с вами реалисты. Восемьдесят девять – хороший возраст.
- МОРИС: Жестокая вы, однако. Надеюсь, клизму поставите нежнее. Нет, восемьдесят девять мало. Нужно девяносто. Я обещал.
- КЭТИ: Я уверена, вас простят. В нынешних обстоятельствах.
- МОРИС: Нет. Я дотяну. (ПАУЗА) Всегда считал все эти разговоры про борьбу с раком полной ерундой. Моя мать не боролась с раком, она заключила с ним договор. Она ему сказала: “Послушай, нам с тобой придется жить в этом теле вместе. И я прошу: не ложись поперек кровати”... Мой отец всегда спал поперек, даже с кровати, бывало, мать спихивал. Вот она и сказала раку: “Не ложись поперек. У каждого из нас своя сторона кровати”. (ПАУЗА) Кстати, в моем возрасте я этот рак, может, и переживу. Может, это я его прикончу, а не он меня.
- КЭТИ: Вы правы, у пожилых пациентов рак распространяется медленнее. Но в вашем случае... он, скорее всего, уже лет десять там ползает. И дополз – медленно, но верно.
- МОРИС: В тупик, значит, уперся... в тупик...
- КЭТИ: Может, мне выйти? Вы хотите побыть один? Или Хелену позвать?..
- МОРИС: Нет. Господь с ней... Она – королева моей души. Я так посижу. Жаль, курить бросил.

- КЭТИ: Снова начать никогда не поздно.
- МОРИС: Тогда лучше кокаин попробую. Только, боюсь, нос провалится.
- КЭТИ: Для разрушения носовых перегородок нужно время.
- МОРИС: А у меня его нет.
- КЭТИ: Что ж, сейчас я надену халат и – приступим. Смерим давление, возьмем анализ крови, мочи... Осмотрю вас быстренько. И начну вводить препарат.
- МОРИС: Морфий?
- КЭТИ: Для начала парацетамол...
- МОРИС: Я обязан продержаться еще два месяца. Как это сделать?
- КЭТИ: Драться умеете, мистер Ходжер?
- МОРИС: Не смешите. Рак – это болячка сложного физико-химического происхождения, а не дворовый хулиган.
- КЭТИ: Ну, вы ведь сами говорили, что вам есть, чего ждать. Пусть это вас поддержит.
- МОРИС: Кэти, будете кормить меня банальностями – я не протяну и двух недель.
- КЭТИ: Мистер Ходжер, оптимизм порой действует лучше химиотерапии.
- МОРИС: И от него волосы не выпадают.
- КЭТИ: Не выпадают. (ПАУЗА) Скажите, а чего вы ждете? Почему именно два месяца?
- МОРИС: Эх, не доживу я до отмены пенсов и шиллингов...
- КЭТИ: Вам тогда исполнится девяносто? Юбилея ждете?
- МОРИС: Ровно в четыре часа.
- КЭТИ: Многие пациенты стремятся дожить до круглой даты. Очень помогает.
- МОРИС: Многие стремятся... Это обнадеживает.
- КЭТИ: Да, ждать очень и очень важно. Юбилей – как раз то, что надо. Ну-с, наденем китель.

МОРИС: Что? Почетный караул к умирающему?

КЭТИ: Ну что вы... Я так халат называю. Это же форма.

ВЫХОДИТ.

МОРИС: Лечь бы...

ХЕЛЕНА: (ВХОДИТ) О, Кэти ушла в свою комнату?

МОРИС: Ага. Китель надевать.

ХЕЛЕНА: Какой китель?

МОРИС: Форменный. Халат.

ХЕЛЕНА: На ужин у нас картофельная запеканка с мясом. В Сейнсбери на нее понизили цену. По-моему, ниже себестоимости. Один фарш дороже стоит.

МОРИС: Хелена, с деньгами у нас туговато, но уж фарш мы можем себе позволить. Даже не уцененный.

ХЕЛЕНА: Ох, Морис. А помнишь, как мы ели бифштексы... И даже не задумывались, что почём...

МОРИС: Прости меня, дорогая.

ХЕЛЕНА: За что? Ты же не виноват. Ты все делал хорошо. Не нарушал правил. Мы оба всегда играли по правилам.

МОРИС: Идиоты.

ХЕЛЕНА: Нет! Почему? Или... Неужели мы идиоты?

МОРИС: Да. Дурость отягощенная воспитанием.

ХЕЛЕНА: Ну да, мы воспитанные люди. Это плохо?

МОРИС: Я-то думал, главное – не нарушать правил. Играть в их игру. Но в этой игре правила для всех разные. Пережить войну, пережить депрессию – и остаться таким идиотом!.. Невообразимо...

ХЕЛЕНА: Ты не виноват.

МОРИС: Знаешь, я хочу угостить ее чаем.

ХЕЛЕНА: Но она вегетарианка. От всего нос воротит.

МОРИС: Да не ее. Её!

- ХЕЛЕНА: А-а... Ты опять за свое? Морис! Прекрати! С королевой ты не знаком. Она вообще не знает, что ты есть на свете. И ни на какой чай она к тебе не придет. Выкинь это из головы. Кстати, как голова?
- МОРИС: Пока на плечах. Сейчас придет Кэти – и начнется. Начало конца.
- ХЕЛЕНА: Слушай, не раскисай. Зачем ты ее только нанял? Мне не доверяешь...
- МОРИС: Хелена, тебе восемьдесят четыре...
- ХЕЛЕНА: Шестьдесят четыре!
- МОРИС: Хелена...
- ХЕЛЕНА: Не смей. Не смей! Мне шестьдесят четыре. А ты доживешь до ста лет... И этот чертов банк... «Незыблемый утес»... вернет все наши деньги.
- МОРИС: А второй? «Брэдфорд и Бингли»?
- ХЕЛЕНА: Выплатят компенсацию.
- МОРИС: Я сдохну раньше.
- ХЕЛЕНА: Ты же не мог предвидеть.
- МОРИС: Должен был.
- ХЕЛЕНА: Не смейся. Этот кризис даже правительство не предвидело. И не только в Англии.
- МОРИС: Они боялись. Прятали голову в песок. А я обязан был тебя от этого уберечь.
- ХЕЛЕНА: Я очень люблю консервы из лосося.
- МОРИС: Но я не могу кормить королеву консервами.
- ХЕЛЕНА: О, господи! Да не придет сюда королева, не выдумывай! Ей есть чем заняться накануне бриллиантового юбилея! А о твоём девяностолетии она и ведать не ведаёт.
- МОРИС: Мы раздобудем копченую лососину. Я знаю магазинчик на Нанхед-лейн, они сами коптят. Сяду на 197-й, потом пройдусь...
- ХЕЛЕНА: Прекрати уже! Замолчи!

МОРИС: С другой стороны... может она эту лососину каждый день ест? Уже видеть ее не может...

ХЕЛЕНА: ... и с удовольствием съест консервы!

МОРИС: Красивое платье.

ХЕЛЕНА: Дурацкое. Но другие не находят. Я в последнее время только и делаю, что ем.

МОРИС: Волнуешься.

ХЕЛЕНА: Да о чем мне волноваться? Просто жру как свинья.

МОРИС: Можно подать консервированные персики. И сгущенку.

КЭТИ: (ВХОДИТ В НАКРАХМАЛЕННОМ БЕЛОМ ХАЛАТЕ С ПОЯСКОМ. ЕЕ ВИД ДЕЙСТВУЕТ НА МОРИСА И ХЕЛЕНУ ОТРЕЗВЛЯЮЩЕ) Сгущенку?! Обожаю! Намазать сверху на пирог с ревенем...

ХЕЛЕНА: Я могу испечь вам пирог с ревенем!

МОРИС: Только не в это время года. Где ты возьмешь ремень в апреле?

ХЕЛЕНА: Возьму консервированный.

КЭТИ: Можно вашу руку?.. Закатаем рукав...

МОРИС: Ревень в этом году не уродился. Он любит холод. А зима была теплая.

КЭТИ САДИТСЯ ВОЗЛЕ МОРИСА, ГОТОВИТ ШПРИЦ, НАДЕВАЕТ ПЕРЧАТКИ. ФИКСИРУЕТ У НЕГО НА РУКЕ МАНЖЕТУ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ДАВЛЕНИЯ. МОРИС НАБЛЮДАЕТ, ХЕЛЕНА ОТВОРАЧИВАЕТСЯ.

ХЕЛЕНА: Надо же, как все серьезно! А мне он не дается лечить. Я тут купила витамины – для тех, кому за шестьдесят. Будешь принимать? Я покажу вам этот флакончик, Кэти. Может, он вас послушается? Там все очень полезное... магний, железо, цинк...

МОРИС: Одни металлы! Она меня на металлолом сдаст...

ХЕЛЕНА: И пилюли с гинкго я ему покупала, для работы мозга...

МОРИС: Приходит мужик к врачу и говорит: “Доктор, я сильно обгорел на солнце”. Врач выписывает рецепт. Мужик читает: “Ви-а-гра. Виагра?” Врач отвечает: “Именно. Ожог девки не вылечат, но все повеселей будет”.

ХЕЛЕНА: Ох, Морис. Все ты шутишь. Сейчас принесу эти пилюли.

ХЕЛЕНА ВЫХОДИТ.

КЭТИ (СОСРЕДОТОЧЕННО): Нам обязательно нужен анализ мочи.

СТАВИТ ОКОЛО МОРИСА СТЕКЛЯННУЮ БАНОЧКУ.

МОРИС: Никогда не мог понять, как люди умудряются туда попасть.

КЭТИ: Я всегда советую использовать бутылку из-под молока. Потом можно перелить.

МОРИС: А если у человека руки дрожат? Болезнь Паркинсона?

КЭТИ: Так что вы запланировали на день рождения? Большой прием? Ждете гостей?

МОРИС: Просто накрою к чаю. Гость только один...

КЭТИ: О, а мне можно прийти? Я обожаю денрожденные пироги со свечками.

МОРИС: Пирога не будет.

КЭТИ: Как же без пирога? Обязательно нужен. На поминки – фруктовый торт и сэндвичи, а на день рождения – пирог со свечками, бисквиты с ромом и... желе... и бланманже... Бланманже будет?

МОРИС: В меню: простой бисквит с заварным кремом и кекс. И маленькие бутербродики... корки обрежем.

КЭТИ: А кто приглашен? Хелена и...

МОРИС: Нет. Не Хелена.

КЭТИ: Хелены не будет?

МОРИС: Не будет.

КЭТИ: Тогда кто же? Архиепископ Кентерберийский?

МОРИС: Что за чушь? Я с ним не знаком.

КЭТИ: Ну тогда... Не томите, скажите сами!

МОРИС: Ее Величество Королева.

КЭТИ: А с ней вы знакомы?

МОРИС: Я провел с ней ночь.

КЭТИ: Вы спали с королевой?

МОРИС: (ВНЕЗАПНО РАССВИРИПЕВ.) Как вы смеете? Как? Как можно?

КЭТИ: (ЧУДОМ СПАСАЕТ ШПРИЦ) Да я пошутила...

МОРИС: А-а-а! Голова... Черт... Мммм...

КЭТИ: Тихо-тихо. Садитесь... вот так...

МОРИС ОЧЕНЬ РАССТРОЕН. ОН ИСПЫТЫВАЕТ ОСТРУЮ БОЛЬ.
КЭТИ ДОСТАЕТ ИЗ СУМКИ ТАБЛЕТКИ И ДРУГОЙ ШПРИЦ.

КЭТИ: Мистер Ходжер. Пожалуйста. Сядьте.

МОРИС: О боже... Боже...

КЭТИ: Сейчас я вам сделаю укол. Обезболивающее. А потом примите стероиды. Сейчас и начнем. Я составлю график. Принимать надо строго по времени, через равные интервалы. Боль уйдет. Подышите... дышите глубже. И постарайтесь не шевелиться. Ну вот. Скоро полегчает. Это лекарство быстро действует.

МОРИС: Мы разговаривали. Проболтали всю ночь. Она была прекрасна. Красавица...

МОРИС БОРМОЧЕТ.
ИСКАЖЕННОЕ БОЛЬЮ ЛИЦО ЕГО ПОСТЕПЕННО РАЗГЛАЖИВАЕТСЯ.
КЭТИ ОТПУСКАЕТ ЕГО РУКУ. ВХОДИТ ВОЗБУЖДЕННАЯ ХЕЛЕНА.

ХЕЛЕНА: Прекрати! Ты что такой шум поднял?! Прекрати вопить! Не смей охать и ахать! Ты что, рожаеть? Нет? Значит ты не знаешь, что такое боль. А я, между прочим, не орала. Я сдерживалась. Стоически! Первый звук был плач ребенка. Он тихонько так запищал. Громче не умел. В общем, прекрати этот концерт. Невыносимо. (ПАУЗА) Я схожу за газетой.

МОРИС: Все газеты давно разобрали.

ХЕЛЕНА: И хлеба прихвачу. В это время уже дешевле продают. На прошлой неделе я тоже пошла поздно и купила батон за десять пенсов. Кстати, в сетевом магазине через квартал продают таблетки для посудомоя за полцены.

МОРИС: У нас нет посудомоечной машины. И нечего тебе ходить так далеко, уже поздно.

ХЕЛЕНА: А раньше у нас был посудомой.

- МОРИС: Да, на старой квартире. Там он и остался. Слишком старый, не переустановишь. Все пломбы сорваны.
- ХЕЛЕНА: Я не говорила, что иду покупать таблетки, просто сказала, что их продают за полцены. Я куплю тебе там энергетик. Надо воспрянуть духом. Выпьешь капельку – будешь как новенький. А вам, сестра, купить что-нибудь?
- КЭТИ: Нет, спасибо.
- ХЕЛЕНА: Может, конфетки? Хотите леденцов?
- КЭТИ: Нет, миссис Ходжер. Спасибо.
- ХЕЛЕНА: Морис... а тебе взять мятных конфет? Для желудка полезно...
- МОРИС: Да. Принеси пожалуйста.
- ХЕЛЕНА: «Двойная мята – счастье на двоих»?
- МОРИС: А их еще выпускают?
- ХЕЛЕНА: Я поищу. Если не найду, возьму что попроще.
- МОРИС: Можно эти... про которых реклама с лошадьми?
- ХЕЛЕНА: Там где они облизываются?
- МОРИС: Да. «Мяту любят жеребята».
- ХЕЛЕНА: «Мята словно поцелуй...»
- МОРИС: ... жеребенка побалууй!»

ХЕЛЕНА КИВАЕТ.
ОНА НАДЕЛА ПЛАЩ, ВЗЯЛА В РУКИ СУМКУ ДЛЯ ПРОДУКТОВ.
ВЫХОДИТ.

- КЭТИ: Морфий начал действовать?
- МОРИС: Тссс! (СЛОВНО ХОЧЕТ СКАЗАТЬ «Не спугните») Вы замужем?
- КЭТИ: Нет.
- МОРИС: А были?
- КЭТИ: Нет.
- МОРИС: Почему?

- КЭТИ: Никто не звал.
- МОРИС: Верится с трудом. Такая красotka...
- КЭТИ: Вовсе я не красotka, мистер Ходжер. Молодые люди забраковали меня рано, еще в старших классах. А те что постарше тоже не стали с ними спорить.
- МОРИС: Кэти, перестаньте! Я представляю вас школьницей. Симпатяшка!
- КЭТИ: Мистер Ходжер, поверьте. Я выглядела не лучше, чем сейчас. Разве что моложе.
- МОРИС: Очень жаль.
- КЭТИ: Вы о чем?
- МОРИС: Жаль, что вам попадались такие тупые мужчины. Глаз у них нету, что ли? Одноглазый змей из штанов у них смотрит. Кстати, Бог, когда создал Адама, сказал так: “У меня две новости, хорошая и плохая. С какой начать?” “С хорошей”, – ответил Адам. Ну Бог ему и говорит: “Я дал тебе потрясающий член и замечательные мозги!” “Отлично! – обрадовался Адам. – Выкладывай плохую”. “Кровь у тебя приливает либо к члену, либо к мозгам. Так и живи”. Сколько можно сидеть на морфии?
- КЭТИ: Посидим, пока не заработают стероиды. Как только они снимут отек, головные боли прекратятся.
- МОРИС: Ага, и я забуду, что болен. Или не забуду?
- ПАУЗА. МОРИС ПРИСЛУШИВАЕТСЯ К СВОЕЙ БОЛИ.
- МОРИС: Чем вы занимаетесь в свободное время?
- КЭТИ: У меня его нет. Все время работаю.
- МОРИС: А раньше? Пока не стали сиделкой? Может, танцевали по выходным? Стриптиз?
- КЭТИ: На самом деле... я ходила на занятия. На танец живота.
- МОРИС: Вот видите! Я сразу понял, что в тихом омуте черти водятся! Почему именно танец живота?
- КЭТИ: Я сначала записалась на фламенко, но занятия отменились – преподавателя-испанца выслали на родину. И нам предложили замену.

- МОРИС: И как? Преуспели?
- КЭТИ: Я-то? Не очень. Мне сказали, что грация у меня, как у гладильной доски.
- МОРИС: Я тоже особой грацией не отличался. Но когда танцевал с королевой... чувствовал себя блестящим кавалером. Благодаря ей.
- КЭТИ: То есть, вы и ночь с ней провели... и танцевали впридачу?
- МОРИС: Не впридачу. Тогда же, вечером. Всего один танец. Накануне коронации. Ох, как она на меня смотрела... Утонуть можно было в этом взгляде.
- КЭТИ: Утонуть? Один человек мне так сказал однажды... Что он может утонуть в моих глазах.
- МОРИС: Поклонник?
- КЭТИ: Нет. Один старичок. Мы с ним играли в театральной студии. Он тогда как раз потерял жену. Наверно ему было одиноко, и ему показалось, будто я на нее похожа. Он вскоре умер – буквально через месяц.
- МОРИС: Сказавши А, не успел сказать Б?
- КЭТИ: Так. Вот эти таблетки принимаются утром. Вот эти – после обеда. Они всегда будут в этих ячейках. Если меня вдруг нет рядом, все равно поймете, какую брать. Видите, здесь на бортике указано время приема?
- МОРИС: Кого вы играли в этой вашей... театральной студии?
- КЭТИ: Да я, в основном, за кулисами... Костюмер-реквизитор... Еще сидела суфлером на «Трех сестрах». Ох, и грустная история... Столько никчемных, потерянных жизней...
- МОРИС: А на сцену выходили? Играли?
- КЭТИ: Нет, конечно. Актрисы – хоть и в любительском театре – должны быть... шикарны. А я даже уши не дозрела проколоть.
- МОРИС: Шик тут не причем.
- КЭТИ: Уверенность в себе. Она придает особый шик.
- МОРИС: По-моему, вы себя недооцениваете. Я был бы рад быть вашим кавалером. Выходить с вами в свет.
- КЭТИ: Спасибо. А сын вас часто навещает?

МОРИС: Нет. Вот там у нас лежат ди-ви-дишки, выбирайте любой диск, смотрите. Телевизор в вашей комнате. У него сбоку щель для ди-ви-ди. Хелена купила по дешевке – еще перед тем, как нам отключили трансляцию. За долги. Хотела в спальню поставить. Но теперь на нем только кассеты смотреть можно.

КЭТИ: Зачем я буду вас лишать...

МОРИС: Да Бог с вами! Мы его и не включали не разу.

КЭТИ: Ну... спасибо. Я люблю иногда посмотреть кино.

МОРИС: Легкое? Про любовь?

КЭТИ: Я люблю триллеры. И ужастики. Сделаю тосты с сыром, разведу растворимый кофе, залезу в постель, поставлю хороший фильм ужасов и... Лучшее снотворное!

МОРИС: И такую женщину никто не позвал замуж?.. Вы – мой идеал.

КЭТИ: Мистер Ходжер, прошу вас... Мне неприятно, когда со мной заигрывают.

МОРИС: Терпите, больная, терпите...

КЭТИ: Убрать картину? А то еще попортится ненароком.

МОРИС: Не убирайте. Прислоните ее к чему-нибудь, я еще посмотрю...

КЭТИ: Она наверно очень ценная.

МОРИС: Нет. Иначе я бы ее давно продал.

ВРЫВАЕТСЯ ХЕЛЕНА. СБРАСЫВАЕТ ПЛАЩ. КЛАДЕТ СУМКУ...

ХЕЛЕНА: Я забыла показать вам витамины, которые купила для Мориса. Такая забывчивая стала! С каждым днем все хуже! Сестра, а от склероза у вас есть лекарство? Мне приходится по сто раз на прежнее место возвращаться. Я думала, такое только у стариков бывает – маразм, да? – но у меня это еще в сорок лет началось. Двадцать с гаком лет мучаюсь! Туда бегу, сюда – а зачем неизвестно. Так. Конфеты мятные, двойные. Вот. Послушайте, нельзя так ставить картину. Повесьте на стену. Сестра, вы сумеете? Сейчас принесу молоток и гвоздь.

МОРИС: Гвоздя мало. Картина тяжелая.

ХЕЛЕНА: Тогда крюк. Я утром куплю.

- КЭТИ: Замечательная картина. Вы правы, у нынешних модных художников персонажи слишком уродливы.
- ХЕЛЕНА: Прямо как в настоящей жизни.
- МОРИС: Нет, в настоящей жизни королева не похожа на торговку рыбой! Уродство, как и красота, – в глазах смотрящего.
- ХЕЛЕНА: Ты когда-нибудь перестанешь говорить о королеве? Ты ее никогда не видел! И ночь с ней не провел и... не танцевал. Никогда. И на чай она к тебе не собирается. Прекрати! Это уже давно не смешно, ей богу! Так... вот они, тут... поливитамины и гинкго. Ну, что скажете?
- КЭТИ: Поскольку химиотерапию ему не делают, вреда не будет.
- МОРИС: И пользы тоже.
- ХЕЛЕНА: Ну что за глупости! Витамины укрепят твой иммунитет, и организм сам справится с болезнью.
- КЭТИ: Миссис Ходжер, у вашего мужа не простуда.
- ХЕЛЕНА: Да знаю я, знаю. Но ведь он не умрет от этого... этой... заразы?

ПАУЗА

- МОРИС: Нет, Хелена, не умру. И я сегодня же начну принимать витамины. Обещаю.
- ХЕЛЕНА: Вот видите? При вас он все-таки держит себя в руках. Может и грязные носки перестанет по дому разбрасывать. Прямо как пятилетний ребенок, ей богу! У вас есть дети?
- КЭТИ: Нет.
- ХЕЛЕНА: И сейчас заводить их уже поздно?
- КЭТИ: Верно.
- ХЕЛЕНА: Вам же лучше. А живность?
- КЭТИ: Что, простите?
- ХЕЛЕНА: У вас есть домашние животные?
- КЭТИ: Нет. С моей работой никого не заведешь.
- ХЕЛЕНА: А у меня в детстве был кролик. Такой большеухий толстяк. Но смелый! На соседскую кошку мог наброситься. Когда он умер,

папа сделал мне из него шапку. Только от кролика – что от живого, что от шапочного – всегда подванивало. Ну, я вообще привереда. Завтра утром пойду поговорю с Ронни, расскажу о нашем житье-бытье.

МОРИС: Да. Пора ему все рассказать.

ХЕЛЕНА: Что все?

МОРИС: Что я нездоров.

ХЕЛЕНА: Ну зачем? Я не хочу его волновать.

МОРИС: Хелена, думаю, сказать надо. Скажи, что я... хочу с ним поговорить.

ХЕЛЕНА: Он сейчас безумно занят. И что ты ему скажешь? Только переполошишь.

КЭТИ: Простите, я не хочу вмешиваться, но... думаю, ваш сын должен знать, насколько серьезно положение. И пусть сам решает, говорить ему с отцом или нет.

ХЕЛЕНА: Ну, положение не так уж серьезно. А он – на другом конце света... Чего волновать впустую? Оттуда лететь больше суток. Два дня с пересадками. Ну, представьте, прилетел он, а у нас тут полный порядок. Он же рассердится. Характер-то у него ого-го... Верно, Морис?

КЭТИ: Я уверена – он захочет знать правду.

ХЕЛЕНА: И снова отвлекать его от семьи... Это все сложно и очень накладно. Он и так провел тут полтора года... несколько лет назад. Нельзя быть для него обузой.

КЭТИ: Хотите, я с ним поговорю?

МОРИС: Кэти, мне надо в...

КЭТИ: Да, конечно. Помощь нужна?

МОРИС: Нет. Пока нет. Что ж, пойду наслаждаться одиночеством. Прихвачу газету... очки... Все, меня нет дома, назад скоро не ждите.

ХЕЛЕНА: Куда ты собрался? На улице такая темень.

МОРИС: Я иду в сортир.

- ХЕЛЕНА: И зачем всех оповещать? И туалет у нас не на улице! Что ты несешь?
- КЭТИ: Я думаю, Морис хотел пошутить.
- МОРИС: Видишь? Она у нас только пару часов, а уже шутки мои понимает.
- ХЕЛЕНА: Тогда почему не смеется?
- МОРИС: Я сказал «понимает». (ВЫХОДИТ)
- ХЕЛЕНА: Только посмотрите на его кресло! И крошки и салфетки и... что это? Соевый соус? Он заляпал подушку соевым соусом!
- КЭТИ: Может, это шоколад?
- ХЕЛЕНА: Он не любит шоколад. Он вообще не сладкоежка. Чипсы такие, чипсы сякие, хрустики – только их и ест, уже месяца три. Но он совсем не похудел. Поэтому я и думаю, что все не так серьезно. Он же должен худеть, таять на глазах. А он не тает. Значит, что-то тут не так. Это ошибка! Я сниму покрывало, надо постирать. Сейчас достану чистое... вот тут у меня... где-то...
- КЭТИ: Вам помочь?
- ХЕЛЕНА: Нет-нет. Мне надо двигаться. Отвлекаться.
- КЭТИ: Значит ваш сын... э-э-э...
- ХЕЛЕНА: Ронни. Да. Мы с ним раз в неделю разговариваем.
- КЭТИ: Но он ведь за границей?
- ХЕЛЕНА: В Австралии. Да. Я хожу в библиотеку и звоню ему по скайпу... и с внуками общаюсь. Вот не думала никогда, что доживу до таких чудес. Сижу, вяжу – и с Австралией разговариваю. Я уж и петицию подписала и кексики пекла – мы устроили вечер для сбора средств...
- КЭТИ: На что средства?
- ХЕЛЕНА: Так библиотеку-то хотят закрыть. Нет, нельзя! Ни в коем случае нельзя. Там бездомные греются, больше им некуда податься. А соевый соус отстирается, он даже в тридцатиградусной воде легко отходит.
- ПАУЗА.
- ХЕЛЕНА: Мне нельзя ставить на горячую стирку, машина слишком много энергии жрет. Счета оплатить не сможем. Вы ведь знаете, Морис

все потерял. Все наши сбережения были у «Брэдфорда и Бингли», а акции в «Неприступном утесе». У вас наверно те же проблемы?

КЭТИ: Вы о чем?

ХЕЛЕНА: Тоже, наверно, все деньги потеряли. Иначе бы не жили по чужим людям. В вашем-то возрасте.

КЭТИ: Я не живу по чужим людям, я за ними ухаживаю.

ХЕЛЕНА: Но будь у вас хоть какие-то сбережения, вы бы этим не занимались?

КЭТИ: Вы о сыне рассказывали... доскажите...

ХЕЛЕНА: О Ронни? Ну да. В нашем прежнем районе библиотеку никогда бы не закрыли. А здесь... Да что говорить! Живем тут, как в какой-нибудь Африке! Но это еще цветочки... нам в таку-у-ую дыру предлагали переехать! Намного дешевле чем здесь. В той тьмутаракани за эти деньги можно дворец со слугами купить... А вы где живете?

КЭТИ: На Тафнелл-парк.

ХЕЛЕНА: А, на севере. Север Лондона. Мне там никогда не нравилось. Ронни тоже там жил в юности, когда от нас съехал. Сколько вам было лет, когда вы уехали от родителей?

КЭТИ: Я живу с отцом.

ХЕЛЕНА: Да? Вы за ним ухаживаете?

КЭТИ: Нет! Он здоровее меня.

ХЕЛЕНА: Да... хорошо иметь отца... Ронни этого не понимает. Но у мальчиков другое отношение к отцам, верно? Знаете, как он ждал его в детстве? Лежал, не засыпал... У нас в гостиной, мы называли ее Речной комнатой, с видом на реку, был такой балкончик... недалеко от Хаммерсмитского моста... Мы прямо с этого балкончика смотрели регату... а потом... он ударил отца кастетом.

КЭТИ: За что?

ХЕЛЕНА: Откуда мне знать? Ему было семнадцать лет. Они никогда особенно не ладили. Морис-то все для него делал, но Ронни... ну не любил он отца, и все тут. Считал, что отец любит королеву больше, чем нас. Ведь Морис только о ней и говорил с утра до ночи.

- КЭТИ: Но это же... просто... ну вот мой отец вечно всем рассказывает, как он познакомился с Вилли Торном – это такой великий игрок в бильярд... Меня это еще в детстве с ума сводило. И до сих пор раздражает. Представляете, каждое воскресенье за обедом слышать одно и то же: «Помню-помню этого Билли Торна, в Бисли познакомился, высокий такой, красивый. Он мне тогда сказал...» Надоело – прям убить хочется иногда. Ну, все бы отдала, чтоб заткнулся. Но моя работа меня кое-чему научила. Когда близкие уходят... вот этих дурацких фразочек, докучливых привычек нам больше всего и не хватает. Все отдашь, чтобы их вернуть...
- ХЕЛЕНА: Ну, без носков на полу я как-нибудь проживу.
- КЭТИ: Нет! Вы будете по ним скучать. А я – по отцовскому ворчанию, по обгорелым спичкам на раковине, по... его пристибриванью...
- ХЕЛЕНА: Как-как?
- КЭТИ: Ну, это мы слово такое выдумали. Он любит прихватывать разные вещи, ничьи... А потом мастерит из этих находок всякие вещицы. Однажды сделал чудесный горшок для цветов из лысой шины.
- ХЕЛЕНА: Морис никогда ничего по хозяйству не делал. Все возился со своим золотом, серебром, драгоценными камнями и часами.
- КЭТИ: У вас наверно много красивых украшений.
- ХЕЛЕНА: Были да сплыли. Налоги, электричество, газ, еда... Ролекс на обед не съешь.
- КЭТИ: Да, тяжело.
- ХЕЛЕНА: Еще как. И тут же начинаются перебранки, ссоры, кто дверь хлопнет, кто молчит целыми днями. Когда в доме нет денег, это... хуже чем измена. А он ведь еще был в деле, у него мастерская... Ну, сам-то он уже постарел, работать толком не мог, и Ронни приехал на подмогу. Ронни он... нет, не унаследовал эту страсть... Он животных любит, ветеринаром хотел стать, но срезался на экзаменах. Он терпеть не может в конторе сидеть. Но приехал. Ради меня. Ему тогда самому было недолго до пенсии, даром что детей еще поднимать надо. Ну, он поздно семью завел, поздно. И вот мы все, все стали тянуть мастерскую, из последних сил. Я вела всю бухгалтерию. Они работали с утра до ночи. И все молча, молча – никто слова не выцедит. Я не винила Мориса, но Ронни... Он эту ярость в себе копил, аж распирало его... А Морису было стыдно, он ужасно виноватым себя чувствовал. А потом... два парня – они даже лица не потрудились закрыть – думали: мы богачи... Ох, я так и не положила чехол от кресла в стирку... Они пришли в мастерскую, среди бела дня. С ружьем. А Морис на них со шваброй... И Ронни... Они все забрали, подчистую. У Мориса

обручальное кольцо с руки сняли. Все. Я была в парикмахерской. Мы потеряли все.

КЭТИ: А страховка?

ХЕЛЕНА: Морис пропустил несколько взносов. Не было денег. Еще и за ювелирный материал остался должен. Пришлось объявить фирму банкротом. Бывшие друзья его в упор не видели.

МОРИС ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

МОРИС: Кто меня в упор не видел? Какие-то такие друзья? Кэти, меня совершенно не волнует, кто и как на меня смотрит. Или не смотрит. Если я для Ее Величества сгодился, для челяди сгожусь и подавно.

ХЕЛЕНА: Морис! Ты уймешься когда-нибудь? Родной сын из-за твоих рассказней сбежал из дома куда подальше. Аж к антиподам занесло! И если ты не прекратишь, я сбегу туда же. Клянусь. Я не шучу. Просто никаких сил уже больше нет.

МОРИС ОБЕССИЛЕННО ПЛЮХАЕТСЯ В КРЕСЛО.

КЭТИ: Миссис Ходжер, пожалуйста! Если его это держит на плаву – пусть говорит, что хочет.

ХЕЛЕНА: Шестьдесят лет я вторая! Шестьдесят лет! А на первом месте всегда она! Да она и без того повсюду – на каждой монете и купюре, на каждой почтовой марке. Кто она тебе, Морис?! Ну вот скажи... Где ты был, когда у Ронни случился первый приступ астмы?

МОРИС: Я был с королевой.

ХЕЛЕНА: Снова здорово. А я помню про эту коронацию только одно: как у Ронни свистит и хрипит в груди, и доктор сует ему в рот огромный черный резиновый ингалятор. И помню, что тебя рядом нет.

МОРИС: Ты знала, что я на работе. Я был в Букингемском дворце. А потом в Вестминстерском аббатстве. (ОБРАЩАЕТСЯ К КЭТИ) Меня пустили, я был там! За колонной, но был.

ХЕЛЕНА: А вечером вернулся весь проспиртованный и принялся нести околесицу. Он, видите ли, танцевал с королевой. Ты даже не заметил, что Ронни нет дома... что он в больнице...

МОРИС: Я поехал к нему наутро. Я не отходил от него много дней.

ХЕЛЕНА: Пойду приму ванну. Спокойной ночи, сестра. Утром увидимся. Надеюсь, вам будет удобно. Если что-нибудь понадобится... что угодно... не стесняйтесь – весь дом в вашем распоряжении. Спокойной ночи.

МОРИС: Я скоро приду.

ХЕЛЕНА ВЫХОДИТ.

МОРИС: Ронни живет в Канберре.

КЭТИ: Вы с ним видите?

МОРИС: Он пожил тут с нами, помогал выкарабкаться в кризис. А вообще, нет. Не видимся. С тех пор, как он эмигрировал. Угощайтесь.

КЭТИ: Я тоже собиралась. (БЕРЕТ ЛЕДЕНЕЦ) В Новую Зеландию. Мне всегда представлялось, что там удивительно спокойно.

МОРИС: Знаете, кто там живет?

КЭТИ: Маори.

МОРИС: Умница. А что означает «маори»?

КЭТИ: Тоже знаю. «Нормальные». Нормальные люди.

МОРИС: Умница-отличница! Так что с какой колокольни посмотреть. Косоглазые, языки высунуты, татуировки по всему телу, юбки из травы... Нормальные люди... Вы раздумали эмигрировать?

КЭТИ: Мы с папой съездили туда в отпуск.

МОРИС: И что?

КЭТИ: Побоялась. Я трусиха.

МОРИС: Еще не поздно.

КЭТИ: Вот. Парацетамол. Две таблетки перед сном.

МОРИС: Спасибо. А Ронни смылся без оглядки.

КЭТИ: Он тоже ювелир?

МОРИС: Ронни? Ювелир? Знаете, есть простейший тест. Азотная кислота реагирует с разным золотом по-разному. Ну, сейчас-то это проверяют специальные приборы, но в мое время... Я обучал Ронни. Капни азотной кислоты на золото. Если девять карат – оно коричневает, восемнадцать карат – чернеет, двадцать два –

розовеет. Просто, верно? Так вот, он и этого запомнить не мог. Уж не говоря о платине... И не понимал красоты бриллианта... Не видел игры света в драгоценных камнях. Считал, что изумруды вульгарны, сапфиры скучны, а рубины – вообще стекляшки. Какой ювелир? Он овцевод.

КЭТИ: Мне всегда казалось, что я не оправдала надежд отца.

МОРИС: Господи, отчего же?

КЭТИ: Оттого что я дурнушка. Он всегда ценил красоту.

МОРИС: И никогда не говорил вам, как вы красивы?

КЭТИ: Нет. Зачем ему врать?

МОРИС: Все дети красивы.

КЭТИ: Нет, мистер Ходжер.

МОРИС: Кэти, я знаю, что алмаз стоит больше, чем кусок угля, но по сути – это одно и то же. Углерод. Просто люди договорились, что алмаз стоит дороже и готовы платить. Но, уверяю вас... Если они замерзают, они выложат за уголь все деньги с кошельком. Не за алмаз, за уголь!

КЭТИ: Так кто я по-вашему?

МОРИС: Лакомый кусочек антрацита.

КЭТИ: Мне придется ввести вам катетер.

МОРИС: О! Обожаю нежности... в области промежности.

КЭТИ: Вы хотите, чтобы я поговорила с Ронни?

МОРИС: Нет.

КЭТИ: Но это нечестно. Вы не оставляете ему выбора.

МОРИС: Наоборот. Если он узнает, выбора у него не будет. Ему придется приехать. Ради матери... И я снова буду виноват. Не надо этого. Пусть цветы пришлет.

КЭТИ: Ну ладно. А теперь расскажите мне про королеву. Как на духу.

МОРИС: Как на духу? Она придет ко мне на чай накануне юбилея, шестидесятилетия коронации. Ровно в четыре часа. И я подарю ей подарок, который пообещал сделать шестьдесят лет назад.

КЭТИ: Вы встретились случайно в магазине, ну вы и говорите, мол, Ваше королевское величество, если вдруг заскучаете в 2012-м году, накануне бриллиантового юбилея, заходите ко мне на рюмку чая...

МОРИС: Не совсем. В ночь перед коронацией я приехал в Букингемский дворец за королевскими регалиями. (ПАУЗА) Я должен был доставить их в Вестминстерское аббатство и сторожить там до утра. Поручили мне это, потому что я работал в «Аспри», крупнейшей ювелирной фирме, к тому же во время войны был десантником. На всякий случай дали для охраны полицейского, впрочем, без оружия. О безопасности тогда особо не задумывались. Сейчас смешно вспоминать... Я запросто подъехал на машине к дворцовым воротам и сказал дежурному в будке: «Добрый вечер. Я – за королевскими регалиями». Он сказал: «Разумеется, сэр. Паркуйте машину вон там, к вам сейчас выйдут». Вскоре в темном дверном проеме появился человек в туфлях на мягкой подошве, поманил меня рукой. Я приготовился принять драгоценности и уехать. Однако он повел меня сквозь обитые зеленым сукном двери – бесцветными коридорами, где столетиями ничего не менялось. На гладких стенах – картинки, изображения канадских первопроходцев и африканских племенных вождей: все приветствуют королевских особ. Мы прошли через кухню, потом мимо места, куда попала бомба... памятный сувенир войны...
Затем еще одна дверь... И за ней – внезапно – буйство красок, цветное кино после черно-белого... Стены сияют всеми цветами радуги, по белоснежному полю разгуливают алые единороги и золотые львы, массивные обитые бархатом кресла с высокими спинками – настоящие троны! – украшены тяжеленными золотыми кистями. Будто я в театре или, в крайнем случае, в индийском ресторане. Я повернулся к моему бесшумному провожатому – а его и нету! На каминной полке оглушительно тикают часы времен Марии Антуанетты, с позолоченными херувимчиками и дрезденскими пастушками... Тик-так, тик-так...
Наконец распаивается дверь, и входит она – тоненькая, миниатюрная барышня, и глаза у нее... Голубые, ярче неба. А ресницы – темные. Ни у кого нет таких чудных глаз... Лицо светится... Издали видно, что кожа нежнейшая, бархатная... Она задержалась в дверях. На голове корона Британской империи, спереди, посередине – алмаз Куллинан, выше – рубин Черного Принца. Мрачное мерцание кроваво-красного камня, а под ним – чистейшее сияние алмаза. В руках скипетр и держава. А на плечах – простыня, приколотая к платью бельевыми прищепками.
«Я тренируюсь, – пояснила она. – Обод жесткий, у меня от него голова болит. Прямо венец терновый. Но боюсь, архиепископа Кентрберийского хватит удар, если я признаюсь». Я поклонился так низко, что чуть было не пропустил ее улыбку. О, эта улыбка озарила бы самую темную ночь... «Меня зовут Морис Ходжер, я должен забрать драгоценности». Это прозвучало строго, как будто

я игрушки у ребенка забирал. «Конечно, мистер Ходжер, - сказала она. – Ведь они мне не принадлежат». Она села и положила державу на стол... И шар покатился... Я рванулся вперед и — изловчился, поймал, уже на излете. «Вы, должно быть, играете в крикет?» – спросила она. Тут я понял, что забыл обратиться к ней по протоколу «Ваше Величество». А ведь мой провожатый в мягких туфлях инструктировал: сначала говорим «Ваше Величество», в дальнейшем «Мэм», как «джем». Я стоял на коленях, сжимая державный шар почти над полом... над тончайшим ковром... и от смущения не мог выдать ни слова. Я посмотрел на нее снизу вверх – и утонул в синих сияющих глазах. Их блеск не уступал блеску сапфира Святого Эдуарда в центре верхнего креста короны.

Она наклонила голову, корона качнулась. «Ах, давит, точно кирпич, – сказала она. – Снимите ее, пожалуйста, мистер Ходжер». Я снял с ее головы корону. У нее такие волосы... В прическе они лежат гладко, как шлем, а по-настоящему – мягкие, пушистые, слегка кудрявятся – как облако... Очень красиво. Нынче такие не носят... Я принял у нее скипетр – ее рука дрожала. «Вам холодно, мэм?» «Ничуть. Мне... страшно. Вдруг я не справлюсь? Мне так не хватает сейчас отца и бабушки». Королева никогда не плачет, но передо мной сидела не королева, а маленькая девочка... «А где же принц Филипп, мэм?» – спросил я. Еще одно нарушение протокола, вопросы задавать не полагается. Но она охотно отвечала. «Видите ли, у него последняя ночь свободной жизни. Его карьера окончена. С завтрашнего дня единственное его занятие – идти у меня за спиной... Отныне и навсегда. Я ведь не поступлю как... как дядя...» «Конечно, мэм, вы не отречетесь от престола, как герцог Виндзорский. Он предал свою страну». Вот здесь я переборщил. Она взглянула на меня строго, как ее бабка, королева Мария. «Он – мой любимый дядя. Хотя его поступок для всех нас весьма огорчил... Я бы выпила чаю, мистер Ходжер. Не составите компанию? Ох, я в этой простыне, как призрак отца Гамлета...»

Она стащила с себя простыню и набросила ее на бюст Георга Третьего. Затем зажгла небольшую горелку на столике из золоченной бронзы, поставила на огонь серебряный чайник. «Дело в том, мистер Ходжер, что у меня непритязательный вкус. Например, я люблю читать справочники. Бифштекс предпочитаю хорошо прожаренный. Лошадей понимаю лучше, чем людей. И самое ужасное – я плохая собеседница. Не могу поддержать разговор на великосветские темы... Друзей моей матери боюсь как огня – не хватает мне пороку с ними разговоривать. Стесняюсь. Моя бабушка, королева Мария, тоже была ужасно стеснительна. Это у нас семейное. Она говорила, что стесняться после 25 лет неприлично. Становишься центром внимания из-за собственных недостатков, а это недопустимо. Как верно подмечено. Но во всем остальном я очень рада, что так на нее похожа».

Я не знал, что сказать, и помалкивал. Не ляпнуть бы опять чего невпопад... «Мистер Ходжер...» – начала она. «Прошу вас, Ваше

Величество – Морис». Она опять улыбнулась. «Как Морис Шевалье. Жаль, что он сотрудничал с нацистами. Это невозможно простить... Но иметь дело с генералом де Голлем тоже нелегко. Уинстон Черчилль однажды сказал... Сэр Уинстон... Я посвящала его в рыцари, это было забавно: он вставал передо мной на колени... Он однажды сказал, что де Голль похож на страусиху, которую застали неглиже...» (МОРИС СМЕЕТСЯ)
Я начал упаковывать державный шар. «Морис, а эта корона, правда, приносит несчастье? Говорят, этот алмаз, Кохинур, проклят. Это верно?» Она заварила чай, не обдав заварочный чайник кипятком. Я чуть было не сделал ей замечание, но прикусил язык. «Я слышал об этом поверье. Но Кохинур инкрустирован в корону вашей матери, а не в вашу. И несчастье он приносит только мужчинам. На женщин проклятье не действует». «Моя матушка, пожалуй, с этим поспорит, – сказала она. – Вспомнила, этот камень называется Куллинан, верно?» - «Да, это одна из частей, на которые был разделен самый крупный в мире алмаз Куллинан».

Она подошла ближе, как будто впервые вглядываясь в великолепные камни короны. Так близко, что я вдохнул нежный запах цветочных духов и мыла. «Это второй по величине осколок Куллинана. А самый крупный бриллиант, Куллинан Первый, также известный как Звезда Африки, ваш пра-пра... Эдуард VII, велел инкрустировать в скипетр... Вот он, смотрите какой...». Она слушала сосредоточенно, сжав губы. Потом сказала: «Теперь все самые крупные куски Куллинана принадлежат мне. Еще два украшали бабушкину корону, она завещала их мне. Должно быть, это был действительно гигантский алмаз». «Три тысячи шестьсот один карат, мэм». «Невероятно... Как много вы знаете о камнях». Я не смог удержаться, мне так хотелось произвести на нее впечатление. «Корону Британской Империи украшают четыре рубина, одиннадцать изумрудов, семнадцать сапфиров, двести семьдесят семь жемчужин и три тысячи крупных и мелких бриллиантов. Корону запрещено вывозить за пределы Англии». «Какие из этих камней вам больше всего по душе?» «Разумеется, бриллианты, мэм». Она подала мне чашку на блюдце, серебрянными щипчиками положила в чай два кусочка рафинада. Я не пью чай с сахаром, но из ее рук принял бы и стрихнин... «Бриллианты? Но ведь они такие холодные... Морис». Она смутилась, едва заметно покраснела. Но может быть, я просто принял желаемое за действительное. «Что вы, Ваше Величество... Напротив. Вглядитесь в Куллинан: в его сердцевине пылает огонь, переливаются жаркие краски. Как будто вы заглянули в самую глубь вселенной. В глаза Создателю... Редкому мастеру выпадает счастье иметь дело с алмазом такой красоты... огранить, отполировать, выстроить призму, поймать солнечный луч... Алмаз – создание природы, а безупречно ограненный бриллиант отражает душу своего мастера». Она смотрела на меня с восхищением. И эта линия губ... Но мне вдруг представилась Хелена – смотрит мрачно, скрестив на груди руки... Ронни

заходится в плаче, лицо покраснело от натуги... «Прошу прощения, мэм, мне пора». «Разумеется, Морис. Вам надо домой». «Домой я сегодня не поеду, мэм. Я должен всю ночь сторожить драгоценности в Вестминстерском аббатстве. Хотя моя жена...» Я чуть не поперхнулся, произнеся это слово... В ее восхищенном взгляде мелькнуло разочарование... или мне показалось? «...моя жена в ярости, потому что сегодня у меня день рождения, а я вызвался исполнить это поручение». Королева рассмеялась. «День рождения? Как замечательно, Морис. Сколько же вам лет? Не говорите, я угадаю. Тридцать три? Тридцать четыре?» «Ровно тридцать». «Простите меня. Вы такой серьезный, взрослый. Ужасно, что нам приходится быть такими взрослыми...» «Да, мэм, когда появляются дети, приходится взрослеть.» Она отвела взгляд. Первый раз не смотрела мне прямо и честно в глаза. «Вы правы. А я так мало времени провожу со своими детьми. И после коронации времени будет еще меньше... Я должна стать... матерью всем подданным. Но я даже собственным детям не слишком хорошая мать... Ладно, полно об этом. У вас сегодня день рождения. Давайте поставим музыку. Мне прислали вот эту запись, – она поставила пластинку на граммофон. – Елизаветинская серенада. Чудесный подарок, правда?» Зазвучала музыка, и она без тени кокетства или жеманства, просто и весело положила мне руки на плечи. Я обнял ее за талию. Я держал ее в объятиях, вел в танце и умирал от страха: не сжимаю ли слишком крепко, не потные ли у меня ладони, не задену ли ненароком ногой ее ногу? (ОН НАПЕВАЕТ «ЕЛИЗАВЕТИНСКУЮ СЕРЕНАДУ»)

Я смотрел на нее сверху вниз. Она прислонилась щекой к моему плечу, на мгновение прильнула ко мне. «У вас будет много бриллиантов, – сказал я. – Так много, что они потеряют для вас цену. Но обещаю: через шестьдесят лет после коронации, на ваш бриллиантовый юбилей, я подарю вам украшение. Изготовлю его сам. И тогда вы узнаете истинную ценность бриллианта». Она остановилась, взглянула на меня, ее глаза были совсем близко. Я едва дышал. «Прекрасная идея, Морис. Шестьдесят лет... Будем ли мы еще живы? Если будем, обещаю придти к вам на чай накануне моего юбилея, в ваш...» Мы договорили вместе: «...девяностолетний юбилей!». И – минутная близость развеялась. Мне девяносто лет? Да и ей немногим меньше? Какое далекое, немислимое, невозможное будущее... Она хохотала, пока слезы не выступили на глаза. Села на шитую золотом кушетку, ноги носками врозь, руки вольно раскинуты. Но вдруг посерьезнела. «Правда, мистер Ходжер – обещаю и свое слово сдержу. И еще обещаю, что завтра посмотрю на этот камень в скипетре... и подумаю о вас». «Звезда Африки. Куллинан Первый». Я не помню, как вышел, как доехал до Аббатства. На следующий день, когда я смотрел, как эта хрупкая юная женщина принимает на себя тяжкое бремя монарха, я понял... что влюбился. И люблю ее до сих пор.

ЗВУЧИТ «ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ СЕРЕНАДА».

ГАСНЕТ СВЕТ.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЗАТЕМНЕНИЕ.

ПАУЗА. ЗАТЕМ СЛЫШНО, КАК НАЖИМАЕТСЯ КНОПКА, И ГОВОРЯЩИЕ ЧАСЫ НАЗЫВАЮТ ВРЕМЯ. ПО ХОДУ ДЕЙСТВИЯ ЭТО ПОВТОРЯЕТСЯ НЕСКОЛЬКО РАЗ: ЩЕЛКАНИЕ КНОПКИ И ЗАТЕМ ЭЛЕКТРОННЫЙ ГОЛОС ЧАСОВ.

ЧАСЫ: Точное время пять часов 47 минут.

ПАУЗА.

ГОЛОС МОРИСА: Хелена! Хелена! Который час?

ГОЛОС ХЕЛЕНЫ: Без четверти шесть.

ПАУЗА.

ЧАСЫ: Точное время пять часов 48 минут.

ПАУЗА.

ГОЛОС МОРИСА: Хелена! Хелена! Который час?

ХЕЛЕНА: Без десяти...

ПАУЗА.

ЧАСЫ: Точное время пять часов 54 минуты.

ПАУЗА.

ГОЛОС МОРИСА: Хелена! Хелена! Который час?

ХЕЛЕНА: Без пяти...

ПАУЗА.

ЧАСЫ: Точное время шесть часов ноль минут.

ГОЛОС МОРИСА Хелена! Хелена! Который час?

ЗАЖИГАЕТСЯ СВЕТ.
ХЕЛЕНА СБРАСЫВАЕТ ОДЕЯЛО, ВСКАКИВАЕТ С ДИВАНА И
ВРЫВАЕТСЯ В СПАЛЬНЮ МОРИСА.

ГОЛОС ХЕЛЕНЫ: Хватит уже! Сколько можно! Вчера поднял меня ни свет ни заря, в семь утра, я квартиру убрала, в магазин сбегала, обед приготовила, окна вымыла, засор в раковине прочистила, суп тебе сварила, который ты есть не стал, а мороженого запросил, за мороженым сбегала, которого ты тоже есть не стал! Кэти-то ушла проведать отца, у нее уже три недели выходных не было... Потом ты не мог заснуть – я взяла одеяло и отправилась спать на диван. Но разве же я спала? Всю ночь напролет ты дубасишь по этим проклятым часам и спрашиваешь, который час. Хотя это говорящие часы! Да я эту трещотку сейчас разобью и на помойку выкину! А ты – замолчи, ни звука больше!

ПАУЗА.

ГОЛОС МОРИСА: Ты что, пьяна?

ГОЛОС ХЕЛЕНЫ: На часах шесть утра.

ГОЛОС МОРИСА: Ты уверена?

ЩЕЛКАЕТ КНОПКА ЧАСОВ.

ЧАСЫ: Точное время шесть часов 1 минута.

ХЕЛЕНА РЫЧИТ ОТ ЯРОСТИ. ВЫБЕГАЕТ ИЗ СПАЛЬНИ С ЧАСАМИ В РУКАХ. ЭЛЕКТРОННЫЙ ГОЛОС ПРОДОЛЖАЕТ ОТСЧИТЫВАТЬ ВРЕМЯ. ОНА СРЫВАЕТ СО СТЕНЫ МЕДНЫЙ КАМИННЫЙ СОВОК И КОЛОТИТ ПО ЧАСАМ, ПОКА ГОЛОС НЕ СМОЛКАЕТ. ОНА ТУТ ЖЕ БЕРЕТ ИЗ КАМИННОГО НАБОРА ЩЕТКУ, ЗАМЕТАЕТ ОСКОЛКИ В СОВОК И ВЫБРАСЫВАЕТ В МУСОРНУЮ КОРЗИНУ. ТИШИНА. ПОЮТ ПЕРВЫЕ ПТИЦЫ. ХЕЛЕНА ПРИНИМАЕТСЯ БЫЛО СКЛАДЫВАТЬ ОДЕЯЛО, НО ОПУСКАЕТСЯ НА ДИВАН, ВНЕЗАПНО ОСОЗНАВ ПРОИСХОДЯЩЕЕ.

ГОЛОС МОРИСА: Хелена?

ХЕЛЕНА: Что?

ГОЛОС МОРИСА: Ты плачешь?

ХЕЛЕНА: Глупости. Чего мне плакать?

ГОЛОС МОРИСА: Может, ты лук чистишь.

ХЕЛЕНА Я его всегда под водой чищу. Хочешь чаю?

ГОЛОС МОРИСА: Хочу чаю, хочу чаю, чаю кипяченого...

ХЕЛЕНА: Раз кипяченого, пойду поставлю чайник.

ГОЛОС МОРИСА: Ты уж его-то совком его не колоти.

ХЕЛЕНА ВЫТИРАЕТ СЛЕЗЫ. ОНА НЕДОВОЛЬНА СОБОЙ.
НА МГНОВЕНЬЕ ПРИКРЫВАЕТ ГЛАЗА И ТУТ ЖЕ ЗАДРЕМЫВАЕТ.

ОТКРЫВАЕТСЯ ВХОДНАЯ ДВЕРЬ. БЕСШУМНО ВХОДИТ КЭТИ, ВЕШАЕТ
ПАЛЬТО. ЗАМЕЧАЕТ ХЕЛЕНУ, УКРЫВАЕТ ЕЕ ОДЕЯЛОМ.

ГОЛОС МОРИСА: Хелена? Хелена?

КЭТИ: Это я, Морис. Я пришла.

ГОЛОС МОРИСА: Хелена хотела чай заварить.

КЭТИ: Я заварю, Морис. Хелена спит.

ХЕЛЕНА: Уже не сплю. Как съездили?

КЭТИ: Отец был рад, что я пришла... У ворот встречал... в
кухонном фартуке...

ХЕЛЕНА: Что так?

КЭТИ: Обедать в два часа договорились... А меня в четверть
второго еще на месте не было. Скучает он один. Как мистер
Ходжер?

ХЕЛЕНА: Не спится ему. Всю ночь глаз не сомкнул и мне не дал.

КЭТИ: Да, бывает. У них день с ночью путается. У меня один
пациент к рождественскому обеду в полночь явился. Никто ж не
хочет ночью умирать. Морису просто страшно.

ХЕЛЕНА: Ничего ему не страшно. Это он ее к чаю ждет, вот и не
спит. Верит, что она придет. Вот же старый дурак.

КЭТИ: Честно сказать, я боялась, что вернусь, а его уже нет. Он
очень ослаб. С воскресенья не встает с постели, не может ходить.
Послушайте, Хелена, я вот что подумала... Мистеру Ходжеру
совсем немного осталось. Он ведь держался, тянул до
сегодняшнего дня из последних сил. Если сегодня ничего не
произойдет, и он умрет несчастным – это будет жестоко...

- ХЕЛЕНА: Умрет несчастным... Знаете, когда мы ссорились, он всегда говорил: «Смотри, Хелена, полегче на поворотах, я ведь могу и какую-нибудь другую женщину сделать несчастной».
- КЭТИ: Он от своей идеи-фикс не откажется. Вы уже шестьдесят лет твердите, что не было никакой встречи с королевой, а воз и ныне там. Ну, вот мне и пришлось в голову... Я принесла камуфляж... твидовую юбку, туфли на низком каблуке, платок... И ровно в четыре часа я звоню в дверь, понимаете?
- ХЕЛЕНА: Вы собираетесь сыграть королеву?
- КЭТИ: Почему бы нет, зрение у него неважноецкое, а я все-таки в театральной студии занималась.
- ХЕЛЕНА: Вы ни одной роли не сыграли.
- КЭТИ: Ну, не зря же я за кулисами крутилась. Как вам такой план?
- ХЕЛЕНА: У меня свой план: пусть признает, что все это дурацкие фантазии. Подождем до половины пятого, никто не придет – и деваться ему будет некуда, признает.
- КЭТИ: А через пять минут умрет. Вы себе никогда не простите.
- ХЕЛЕНА: Для него это будет страшный удар.
- КЭТИ: Мягко выражаясь.
- ХЕЛЕНА: Что, он совсем плох?
- КЭТИ: Хуже не бывает.
- ХЕЛЕНА: Как же так... Мы только что обсуждали, куда поехать летом. Он хочет на побережье, есть крабов. Он там в одном городке когда-то купил смешную наклейку на машину: «Тружусь как краб на галерах». На побережье прекрасный выбор морепродуктов...
- КЭТИ: Значит, действуем по моему плану?
- ХЕЛЕНА: Мне неудобно вас об этом просить...
- КЭТИ: А вы не просите, я сама предложила. По-моему, мы правильно делаем, он будет счастлив.
- ХЕЛЕНА: А я – нет.
- КЭТИ: Хелена...
- ХЕЛЕНА: Я ревную. Ничего не могу поделать. Ревную и все.

КЭТИ: Понимаю.

ХЕЛЕНА: Ничего вы не понимаете. Мы женаты почти шестьдесят шесть лет. Моему сыну шестьдесят пять. Я скрываю свой возраст уже полстолетия. Последний раз мы занимались любовью тридцать лет назад. Последний раз спали в одной постели уже не помню когда, потому что он храпит. Зубы у него выпадают во время еды, а когда он выпускает газы... спасайся кто может. Оружие массового поражения. Но я люблю его как никто никогда.. Он мне ни разу не изменял, я в этом уверена. Ни единого разу. Но она всегда стояла между нами. «Я люблю тебя, Хелена, но... Ты красавица, Хелена, но... У тебя такие голубые глаза, но...» Я ее ненавижу. Не знаю даже, смогу ли с вами спокойно говорить, если вы заявитесь сюда в таком маскараде. Меня аж трясет от ненависти... И мне стыдно...

КЭТИ: Хотела бы я так кого-нибудь любить. Или чтобы меня так любили.

ХЕЛЕНА: Он меня любит, да. Но он никогда не был в меня влюблен.

КЭТИ: А простить его за это – сможете?

ХЕЛЕНА: (СЕКУНДУ РАЗДУМЫВАЕТ) Да. Ладно, согласна. Пусть умирает счастливым.

ВХОДИТ МОРИС, ТОЛКАЯ ПЕРЕД СОБОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ХОДУНКИ НА КОЛЕСИКАХ. НА ХОДУНКАХ ВИСИТ КИСЛОРОДНЫЙ БАЛЛОН, ТРУБКА ПОДВЕДЕНА ПОД НОС И ОБВИТА ЗА ШЕЮ. ЗА СОБОЙ ОН ТЯНЕТ СТОЙКУ ДЛЯ КАПЕЛЬНИЦЫ, НА КОТОРОЙ ВИСИТ ПАКЕТ С ПЛАЗМОЙ, СОЕДИНЕННЫЙ С КАНЮЛЕЙ В ЕГО РУКЕ. МОРИС ОДЕТ В ФУФАЙКУ, ТРУСЫ ПО КОЛЕНУ И ОДИН ЧЕРНЫЙ НОСОК. ОН НЕБРИТ И НЕЧЕСАН, ПОШАТЫВАЕТСЯ. ОН РЕЗКО, ОЩУТИМО СДАЛ ФИЗИЧЕСКИ. КЭТИ И ХЕЛЕНА ПОРАЖЕНЫ ЕГО ВИДОМ. КЭТИ ХОЧЕТ ЕМУ ПОМОЧЬ, ОН ОТМАХИВАЕТСЯ. КАЖДОЕ ДВИЖЕНИЕ ДАЕТСЯ ЕМУ С ТРУДОМ, ОН ЕЛЕ СТОИТ.

МОРИС: Кто-то обещал заварить чай. Пичкают меня лекарствами, а я от жажды помираю.

КЭТИ: Я сейчас. Извините.

ХЕЛЕНА: Ты выглядишь, как старый бродяжка.

МОРИС: Да, пора готовиться к приему. Который час?

ХЕЛЕНА: Побойся бога. Еще восьми нет.

МОРИС: Когда будет, останется только восемь часов. Ты купила бисквит?

- ХЕЛЕНА: Нет еще.
- МОРИС: А кекс?
- ХЕЛЕНА: Нет.
- МОРИС: Какие будут бутерброды?
- ХЕЛЕНА: С лососем. Бутерброды мы уже обсуждали.
- МОРИС: Не забудь срезать корку. И добавь кружочки огурца. Молоко к чаю подай настоящее.
- ХЕЛЕНА: У нас обезжиренное.
- МОРИС: Королева, в отличие от нас, не пьет эту гадость.
- ХЕЛЕНА: Да какая королева?.. Ладно, куплю настоящего.
- МОРИС: Дверь я открою сам.
- ХЕЛЕНА: А я чем нехороша? Стыдишься меня, что ли?
- МОРИС: Я должен сам. Открою дверь. С достоинством поклонюсь.
- ХЕЛЕНА: Морис, да ты потом от дверей до дивана не доползешь. Я открою.
- МОРИС: (ПАУЗА) Не забудь сделать реверанс.
- ХЕЛЕНА: Скажите пожалуйста!
- МОРИС: Монархине – монаршие почести. Это у всяких революционеров жены хабалки, а ты, королева моей души, должна быть безупречна.
- ХЕЛЕНА: И так хороша.
- МОРИС: Пора готовиться. Мне надо побриться. И надеть костюм.
- ХЕЛЕНА: Который? У тебя полон шкаф.
- МОРИС: Я похудел, только полосатый придется впору.
- ХЕЛЕНА: Да у него воротник молью трачен.
- МОРИС: Застегнем пиджак наглухо, будет незаметно.
- ХЕЛЕНА: Рубахи тебе, небось, велики. Шея будет, как у черепахи, торчать.
- МОРИС: Возьмем у Кэти булавку и зашпилим ворот сзади.

ВХОДИТ КЭТИ С ПОДНОСОМ: ЗАЛИТЫЕ КИПЯТКОМ ПАКЕТИКИ ЧАЯ В
В КРУЖКАХ, МОЛОКО В КАРТОННОМ ПАКЕТЕ.

МОРИС: У вас булавки не найдется? Рубаху зашпилить.

ХЕЛЕНА: Морис уже прихорашивается для королевы.

МОРИС: И очень торопится. Она будет с минуты на минуту.

КЭТИ: Выпейте сначала чаю. А потом быстренько помоемся-почистимся.

МОРИС: И побреемся. У меня в ящике припрятан одеколон – «Пряный
аромат».

ХЕЛЕНА: Он у тебя там уже пылью оброс, пряность вся улетучилась.

МОРИС: Я его берегу.

ХЕЛЕНА: Да только не про нашу честь.

МОРИС: Не про вашу. Потому что ты его не любишь. А Ее Величество
любит «Пряный аромат». Я в ту ночь, когда с ней танцевал, был
надушен этим ароматом.

ХЕЛЕНА: Скажите пожалуйста!

МОРИС: Кэти, побрейте меня.

ХЕЛЕНА: Постарайтесь не перерезать ему горло. Что у нас в кладовке
найдется, то и поставлю на стол. Разносолы нам не по карману.

МОРИС: Вот помру, получишь за меня страховку, будешь тогда
бутерброды с икрой каждый день лопать. Страховка... страх...
Дураки какие, ишь слово придумали... Кэти, вы замечали, как
смешно звучит: «страхование на случай смерти»? Как будто этот
случай может кого-то миновать!

ХЕЛЕНА: У нас где-то был кекс из грошовой лавки. Не в дорогой
кондитерской куплен, но ей нипочем не догадаться.

МОРИС: Подавать королеве грошовый кекс! Дожили. Ты с Ронни
говорила?

ХЕЛЕНА: Ну говорила.

МОРИС: Что ты ему сказала?

ХЕЛЕНА: Что ты прихворнул.

МОРИС: Когда это было?

ХЕЛЕНА: На прошлой неделе.

МОРИС: А он что?

ХЕЛЕНА: Сказал, перезвонит.

МОРИС: И не перезвонил.

ХЕЛЕНА: Нет. Хочешь, могу бисквитный рулет подать, «Арктику», с начинкой из мороженого. Она мороженое-то любит? Королева твоя? (СМОТРИТ НА КЭТИ)

КЭТИ: Несомненно. Я читала, что она обожает мороженое. Особенно «Арктику».

ХЕЛЕНА: Какая удача. У меня как раз завалилась в морозильнике.

МОРИС: Вы тут, девочки, под ногами не болтайте, когда она придет. Поздоровались, и за порог. Надо бы лотерейный билет купить. Чую, сегодня мой день. Почтальон уже приходил?

ХЕЛЕНА: Морис, почтальон еще сладко спит. Ты что, ожидаешь важный пакет?

МОРИС: Так, сущую ерунду, поздравительные открытки.

КЭТИ: Ой, извините. С днем рожденья! Вот, это вам.

ПОДАЕТ НЕБОЛЬШОЙ СВЕРТОК В КРАСИВОЙ ОБЕРТКЕ.

МОРИС: Спасибо. (РАЗВОРАЧИВАЕТ, ДОСТАЕТ КОМПАКТ-ДИСК) «Елизаветинская серенада». Прямо в точку. Отличный подарок. Лучше не бывает.

КЭТИ ПРИНОСИТ ПАКЕТ С ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ МОРИСА:
ВЛАЖНЫЕ САЛФЕТКИ, ЭЛЕКТРОБРИТВА, ТАЛЪК

ХЕЛЕНА: Чего уж лучше: споешь ей серенаду и угостишь мороженым.

МОРИС: И грошовым кексом. Ох, неподобающе это... Неподобающе.

КЭТИ: В детстве мне слышалось в этом слове «небо да бабище».

ОНА ДОСТАЕТ ВЛАЖНЫЕ САЛФЕТКИ, ГОТОВИТСЯ СДЕЛАТЬ МОРИСУ ОБТИРАНИЕ. ОН МАШИНАЛЬНО ПОДНИМАЕТ РУКИ, ЧТОБЫ ЕЙ БЫЛО ЛЕГЧЕ. ОНА МЕШКАЕТ.

КЭТИ: Знаете что? Все-таки королева не каждый день в гости приходит. Давайте-ка примем настоящий душ.

ХЕЛЕНА: Да как он в ванну заберется?

КЭТИ: Приспособимся как-нибудь. Что скажете, Морис?

МОРИС: О, настоящий душ! Думаете, у нас получится?

КЭТИ: Не бойтесь, все получится.

ХЕЛЕНА: Вы мне всю ванную зальете.

КЭТИ: Постараемся не залить, да, Морис?

МОРИС: Ну, вам виднее. Только... как же мы приспособимся?

КЭТИ: Поставим в ванну стул, вы сядете, а я вас буду поливать, как грядку.

ХЕЛЕНА: Пол бы застелить надо...

КЭТИ: Мы аккуратно, миссис Ходжер.

ХЕЛЕНА: Возьмите из шкафа старые полотенца и застелите пол.

МОРИС: Три недели уже без душа...

ХЕЛЕНА: У нас есть хороший гель для душа – «Сочная трава» от Елизабет Арден.

МОРИС: Ты же его для торжественных выходов бережешь.

ХЕЛЕНА: Мой муж пьет чай с королевой по случаю своего 90-летнего юбилея – куда уж торжественнее?

МОРИС: (ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ НА ПУТИ В ВАННУЮ, КУДА ЕГО ВЕДЕТ КЭТИ. ВНИМАТЕЛЬНО СМОТРИТ НА ХЕЛЕНУ. НА КЭТИ. СНОВА НА ХЕЛЕНУ) Девочки, вы часом сами не заболели?

ХЕЛЕНА: Да иди уже в свой душ! А я пока спокойно на стол собираю, без твоих стенаний. Хоть музыку нормальную послушаю.

МОРИС: Быстро, Кэти... Она сейчас свою румбу-юмбу врубит.

КЭТИ И МОРИС УХОДЯТ В ВАННУЮ. ХЕЛЕНА ВКЛЮЧАЕТ СТАРЫЙ ПРИЕМНИК, ЗВУЧИТ МУЗЫКА ЭДМУНДО РОСА. ОНА ПРИНИМАЕТСЯ НАКРЫВАТЬ НА СТОЛ. ДОСТАЕТ ИЗ КОМОДА ПАРАДНЫЙ ФАРФОРОВЫЙ СЕРВИЗ, РАЗВОРАЧИВАЕТ ОБЕРНУТЫЙ В САЛФЕТКУ

ПАРАДНЫЙ ЧАЙНИК. РАССТАВЛЯЕТ ПРИБОРЫ НА ЖУРНАЛЬНОМ
СТОЛИКЕ ПОДЛЕ КРЕСЛА МОРИСА. ЧАЙНИК СТАВИТ ТАК, ЧТОБЫ
МОРИС ДОСТАЛ ДО НЕГО ИЗ КРЕСЛА. ПОТОМ УБИРАЕТ
РАССТАВЛЕННЫЕ ПРИБОРЫ СО СТОЛИКА, ПОДСТИЛАЕТ ВЫШИТУЮ
СКАТЕРТЬ. МУЗЫКА СМОЛКАЕТ, ОНА САДИТСЯ. С ТРУДОМ
СДЕРЖИВАЕТ СЛЕЗЫ. ВХОДИТ КЭТИ.

КЭТИ: Он там красоту наводит... Я сам, говорит, меня выгнал.

ХЕЛЕНА: Идите тогда.

КЭТИ: Вернусь в четыре.

ХЕЛЕНА: И ни минутой позже. Королева не опаздывает.

КЭТИ: Ни в коем случае.

ХЕЛЕНА: Только бы мне не засмеяться.

КЭТИ: Постараюсь вас не смущать... (ГОЛОСОМ КОРОЛЕВЫ)
*«Позвольте узнать, как ваше здоровье? Ах, это необыкновенно
увлекательно...»*

ХЕЛЕНА: Ну вылитая королева!

КЭТИ: До встречи.

КЭТИ СОБИРАЕТСЯ УХОДИТЬ. ХЕЛЕНА ПРОВОЖАЕТ ЕЕ ДО ДВЕРИ.
МОРИС ПОЯВЛЯЕТСЯ В ДВЕРЯХ СПАЛЬНИ. ОН УЖЕ В КОСТЮМЕ.

МОРИС: Куда же вы?

ХЕЛЕНА: Я отпустила Кэти. Она тебе не нужна во время королевского
визита.

МОРИС: Хорошо, идите... Но сначала отцепите меня.

КЭТИ: Что?

МОРИС: Отсоедините эти побрякушки. Я выгляжу, точно шут гороховый.

ХЕЛЕНА: Но Морис...

КЭТИ: Мистер Ходжер... Вам абсолютно необходимы и кислород, и
капельница, и морфий.

МОРИС: Все побрякушки прочь! Не спорьте со мной. Свободу юбиляру!
Ну же!

КЭТИ НЕОХОТНО ПОДЧИНЯЕТСЯ.

МОРИС: Так-то лучше. Теперь идите, девочки, обе идите. По магазинам прошвырнитесь, вы это обожаете.

ХЕЛЕНА: Нам никаких продуктов не нужно.

МОРИС: Ну все равно, не мешайся тут. Она – только моя гостья.

ХЕЛЕНА: Не волнуйся, я сериал на кухне посмотрю. А сейчас пойду бутерброды делать. Кэти, приятно вам провести время.

КЭТИ: Спасибо. Надеюсь, все будут довольны.

МОРИС: Который час?

КЭТИ УХОДИТ. ХЕЛЕНА НАПРАВЛЯЕТСЯ В КУХНЮ.

ХЕЛЕНА: Рань несусветная.

ОНА ВЫХОДИТ. МОРИС САДИТСЯ, ДОСТАЕТ ГОВОРЯЩИЕ ЧАСЫ,
НАЖИМАЕТ КНОПКУ.

ЧАСЫ: Точное время десять часов 35 минут.

НЕСКОЛЬКО РАЗ МЕНЯЕТСЯ ОСВЕЩЕНИЕ.
МОРИС ПЕРИОДИЧЕСКИ НАЖИМАЕТ КНОПКУ, И ЧАСЫ ОБЪЯВЛЯЮТ
ВРЕМЯ. НАКОНЕЦ, НАСТУПАЕТ НАЗНАЧЕННЫЙ ЧАС.

ЧАСЫ: Точное время шестнадцать часов.

ТИШИНА. МОРИС НЕ СВОДИТ ГЛАЗ С ДВЕРИ.
ТИШИНА. В ДВЕРЬ ЗВОНЯТ.
МОРИС ПЫТАЕТСЯ ВСТАТЬ. ХЕЛЕНА ВКАТЫВАЕТ ТЕЛЕЖКУ С
ЗАКУСКОЙ, СТАВИТ ЕЕ ВОЗЛЕ МОРИСА.

МОРИС: Скорей, открывай! Быстро!

ХЕЛЕНА ИДЕТ К ДВЕРИ, ОТКРЫВАЕТ.
ВХОДИТ КОРОЛЕВА.
ХЕЛЕНА ПРИСЕДАЕТ В ГЛУБОКОМ РЕВЕРАНСЕ.

КОРОЛЕВА: Добрый день. Вы, я полагаю, миссис Ходжер.

ХЕЛЕНА: (ЕДВА СДЕРЖИВАЯ СМЕХ) Да, она самая, Ваше Величество.
Проходите, пожалуйста, располагайтесь. Извините меня, я
удаляюсь. Если понадобится, буду на кухне.

ХЕЛЕНА ВЫХОДИТ.
МОРИС С ТРУДОМ ВСТАЕТ, КЛАНЯЕТСЯ.
ОН ЕДВА ДЕРЖИТСЯ НА НОГАХ.

КОРОЛЕВА: Садитесь, мистер Ходжер. Годы берут свое, не так ли? (ОН НЕ ДВИГАЕТСЯ) Вы, кажется, удивлены, что я пришла, мистер Ходжер.

МОРИС: Нет. Я в этом не сомневался, Ваше Величество. Просто я думал, что прошло шестьдесят лет... и у вас могут быть другие дела. Вам нужно готовиться к речному параду и прочим торжествам.

ЕЕ ВЕЛИЧ.: Надеюсь, даже в моем преклонном возрасте на королевскую барку я поднимусь без подготовки. Честно сказать, с бóльшим удовольствием я бы прокатилась на яхте, а не на этом раззолоченном плавающем диване. Боюсь, из меня получится плохая Клеопатра. Пожалуйста, присядьте. Вы себя хорошо чувствуете?

МОРИС: Ах Ваше Величество, я чувствую себя превосходно. Как будто лечу в облаке из пузырьков шампанского.

КОРОЛЕВА: Рада слышать.

МОРИС: Простите, мэ, не желаете ли чашечку чая?

КОРОЛЕВА: С превеликим удовольствием. Вчера у нас был государственный банкет. Как всегда, слишком много куропаток, во рту после них сухо, как в Сахаре... Ах, фиалки. У вас они в прекрасном состоянии, а мои не растут, уж как я только ни старалась.

МОРИС: Хелена, моя жена, прирожденная садовница. У нее все цветы отлично растут.

КОРОЛЕВА: Садовников я всегда побаивалась. У нас работают профессионалы высокого класса, рядом с ними всегда чувствуешь некоторую робость... Помню, как-то раз в теплице Букингемского дворца моя матушка отщипнула веточку винограда. А тут как раз главный садовник подошел, и она со страху спрятала виноград в сумку. Представляете, какая каша получилась в сумке! Мистер Ходжер, это кислородный баллон?

МОРИС: Хмм... Да.

КОРОЛЕВА: Вы занимаетесь подводным плаванием?

МОРИС: Нет.

КОРОЛЕВА: Газопламенной кислородной сваркой?

МОРИС: У меня... небольшие проблемы с легкими.

КОРОЛЕВА: Надеюсь, эти проблемы не причиняют боли?

МОРИС: Нисколько, мэ.

ПАУЗА.

КОРОЛЕВА: Не включить ли нам чайник?

МОРИС: Ах да, конечно. Извините, забыл.

КОРОЛЕВА: Позвольте мне.

ОНА ТЯНЕТСЯ К ЧАЙНИКУ, ВКЛЮЧАЕТ.

МОРИС: У вас те же духи, что в ту ночь, «Весенний аромат».

КОРОЛЕВА: Духам я не изменила, верно. Только сама изменилась.

МОРИС: Ваше Величество совсем не изменились.

КОРОЛЕВА: Мое величество не изменилось, но как женщина я уже не та. Когда мы познакомились, я ведь считалась некоторым образом красавицей.

МОРИС: Вы были настоящей красавицей, мэ.

КОРОЛЕВА: А теперь из зеркала на меня смотрит ухудшенная копия моей бабки, к тому же с толстыми ногами. Я всегда жалела, что не унаследовала осанку королевы Марии. И ноги.

МОРИС: Все мы в один прекрасный день не узнаем себя в зеркале. Душа не стареет, мэ, но тело выдает нас с головой.

КОРОЛЕВА: Вы говорите о себе, мистер Ходжер?

МОРИС: Да. Мое тело предательски состарилось, я и глазом моргнуть не успел.

КОРОЛЕВА: Вам сегодня девяносто лет. Этот день я пометила у себя в календаре шестьдесят лет назад. С Днем рождения!

ОНА ДОСТАЕТ ИЗ СУМКИ СВЕРТОК, ПОДАЕТ ЕМУ.
ОН РАЗВОРАЧИВАЕТ. КОРОБКА КОНФЕТ.

МОРИС: Шоколадные конфеты «Принц Чарльз». Замечательно!

КОРОЛЕВА: Конфеты – маленький бизнес моего сына... Начинка у них мягкая. Нам, в нашем возрасте, совершенно не нужен орех, коварно притаившийся в шоколаде. А чем занимается ваш сын?

МОРИС: Разводит овец в Австралии.

КОРОЛЕВА: Как интересно. В моих воспоминаниях Австралия всегда связана с удивительным ощущением свободы... безграничной свободы. Увы, больше я эту страну, скорее всего, не увижу... И, к сожалению, они ждут не дождутся, когда иностранка, проживающая в далекой стране, перестанет быть главой их государства.

МОРИС: Страны Содружества разъезжаются из родного дома, как выросшие дети...

КОРОЛЕВА: Точное сравнение. И все же печально, что мою смерть наверняка используют как предлог... на самом-то деле и Канада, и Австралия, и все прочие уже приняли решение... они наверняка предпочтут президента отечественного производства... или даже короля. Вы навещали сына?

МОРИС: Нет. Возможно, съедим в этом году, отметим Рождество на пляже.

КОРОЛЕВА: Мне кажется, это не самая хорошая идея – рождественский гусь, приправленный песком...

МОРИС: Хуже то, что мы с сыном не ладим. Я бы хотел с ним поговорить, пока... есть время.

КОРОЛЕВА: Когда же вы в последний раз говорили?

МОРИС: Два года назад.

КОРОЛЕВА: Печально.

МОРИС Зато на телефонных счетах сэкономили.

КОРОЛЕВА: История моей семьи полна таких коллизий, особенно во взаимоотношениях отец-сын, король-наследник. В конце концов все обычно налаживается. За редким исключением.

МОРИС: Ронни считает, что я предал его мать. И его самого.

КОРОЛЕВА: Это правда?

МОРИС: Я никогда не изменял жене.

КОРОЛЕВА: А верность хранили? В мыслях? Тут тонкое различие.

МОРИС: И верность хранил... Но много лет назад, когда Ронни был совсем маленький, я встретил... девушку. И провел с ней несколько коротких часов.

КОРОЛЕВА: Несколько коротких часов могут изменить судьбу. Идеальная любовь, запаянная в янтаре. Этой драгоценности нет цены, но напоказ ее не наденешь.

МОРИС: Напоказ? Нет... Но я ее не скрывал. Наверно это была ошибка – я рассказал... об этой встрече. Ронни считал, что я все нафантазировал, потому что собственной семьи мне было мало. В каком-то смысле он был прав. Я жил с ними и... не с ними. Память о той ночи стала моим убежищем, я прятался там не столько от своей семьи, сколько от себя... обыденного. Ведь той ночью я был собой в полном смысле слова.

КОРОЛЕВА: Уверена, что эта девушка на всю жизнь осталась вам благодарна. Возможно, она несколько робела перед... предстоящими испытаниями, а встреча с вами придала ей храбрости.

МОРИС: Мне помнится, что так и было... Но память ненадежная штука.

КОРОЛЕВА: В ее памяти ваш добрый поступок, без всякого сомнения, сохранился навсегда.

МОРИС: Я совершил немало добрых поступков, но слегка влюблен был только единожды.

КОРОЛЕВА: Слегка, мистер Ходжер?

ВХОДИТ ХЕЛЕНА.

ХЕЛЕНА: Про рулет-то с мороженым я и забыла. Говорят, Ваше Величество, вы любите «Арктику». Она и недорогая совсем. У нас, правда, морозилка маленькая. Ужались мы на старости лет, из прежнего дома переехали, теперь у нас все маленькое и холодильник маленький. Но чем угостить всегда найдется... Морис, чего ж ты чай не заварил? Давай-ка я. (ЗАВАРИВАЕТ И НАЛИВАЕТ ЧАЙ) Представьте, Ваше Величество, Морис про вас все шестьдесят лет трещал без умолку. Честно сказать, я в его сказки не верила. Ну, а теперь придется поверить, вы же к нам собственной персоной в гости пожаловали. Хотите сахару? Нет? Возьмите бутербродик, это консервированный лосось. Морис просил, чтоб я настоящую, копченую лососину купила, а я говорю: «Копченая лососина у Ее Величества небось уже из ушей лезет».

КОРОЛЕВА: Консервированного лосося мы во время войны ели. Ничего не имею против. А вот у моей матушки до конца жизни оставались сложные отношения с рыбьими костями.

ХЕЛЕНА: Как это?

МОРИС: Королева-мать неоднократно давилась рыбьей костью.

ХЕЛЕНА: А, понятно. (ОБРАЩАЕТСЯ К ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ) Удивительно, как вы хорошо помните военное время. Морис, не задерживай королеву, у нее наверняка есть другие дела.

КОРОЛЕВА: Нет-нет, сегодня у меня спокойный день. Организаторы юбилея попросили экономить силы. Я не стала спорить и согласилась не садиться за руль.

ХЕЛЕНА: Значит, на автобусе приехали?

КОРОЛЕВА: Как, простите?

ХЕЛЕНА: Вышли из дворца, пешочком до остановки, и на 176-ом к нам.

КОРОЛЕВА: Я приехала на автомобиле.

ХЕЛЕНА: А где же он? Вы за углом запарковались?

КОРОЛЕВА: Шофер потом за мной заедет.

ХЕЛЕНА: Пусть поднимется, мы его чаем напоим.

КОРОЛЕВА: Он ждет поодаль. Я не хотела привлекать внимание.

ХЕЛЕНА: Ясное дело. Ну что ж. Пойду стирку заложу, если услышите грохот, наподобие самолет взлетает – это отжим. Новую машину нам купить не по средствам, ну да этой на наш век хватит. Вытри подбородок, Морис.

ХЕЛЕНА УХОДИТ.

МОРИС: Хелена отлично заваривает чай.

КОРОЛЕВА: Вы занимались ювелирным делом все эти годы, мистер Ходжер?

МОРИС: До самого последнего времени. Но мандат на перевозку королевских регалий был у меня только единожды, больше я их никогда не видел. Разве что, когда водил Ронни в Тауэр. Ему корона не понравилась.

КОРОЛЕВА: Почему только единожды?

МОРИС: Дело в том, мэм, что мандат выписывается на конкретное лицо. То есть, мандат был выдан не моей фирме «Гаррард», а Артуру... запамятовал фамилию... У него накануне ячмень на глазу вылез, он не мог выполнять обязанности, и мандат передали мне.

КОРОЛЕВА: То есть я могла бы танцевать с Артуром из «Парсонс Грин»?

МОРИС: Значит, вы помните, как мы танцевали?

КОРОЛЕВА: Мистер Ходжер, я помню нашу встречу во всех подробностях.

МОРИС: Даже мое обещание сделать для вас подарок?

КОРОЛЕВА: Да. Но подарка я с вас не потребую. Достаточно того, что вы, как обещали, угощаете меня чаем. Какая странная вещь время. События следуют в строгом порядке, от прошлого к настоящему, и, казалось бы, воспоминания тоже должны выстроиться по старшинству, как карты в колоде. Самое старое воспоминание в конце колоды... Однако же... и не только оттого, что каждое событие моей жизни зарегистрировано... воспоминания видятся мне скорее как карты, легшие веером, – никакой иерархии, все под рукой: далекое и близкое, приятное и мучительное. Я помню ваш одеколон «Пряный аромат», помню, как поднимала голову, а вы смотрели на меня сверху... как будто это было вчера.

МОРИС: Нынче я уж не тот, вниз расту.

КОРОЛЕВА: Да и я не та: волосы как пергамент, улыбка выцвела, платья не сидят... Откровенно говоря, вид весьма плачевный. Внезапно наступившая старость... Полагаю, что причиной тому недостаток воображения.

МОРИС: Как это возможно, Ваше Величество?

КОРОЛЕВА: По моим наблюдениям, люди с богатым воображением не стареют. Они точно светятся изнутри, у них особый блеск в глазах. Как правило, это люди творческие. Я же практически лишена воображения. А иначе вряд ли продержалась бы на троне шестьдесят лет. Когда мне было четырнадцать, у меня была лошадь, собака и первая любовь. И это предел моего воображения. С другой стороны, подобная скудость фантазии позволяет избежать разочарований. А вы? Прожили счастливую жизнь?

МОРИС: Как сказать... Повторил бы я все в точности сначала? Вряд ли. Я наделал слишком много ошибок, слишком многие из-за меня несчастны.

КОРОЛЕВА: Неужели многие?

МОРИС: По меньшей мере, двое.

КОРОЛЕВА: Кажется, миссис Ходжер вполне счастлива.

МОРИС: Она потеряла все, что составляло ее счастье.

КОРОЛЕВА: У нее есть вы. И Ронни...

МОРИС: Она потеряла положение в обществе. Когда мы встретились, ее отец, Ганс Алоиз Грюнвальд Шмельтер, сидел в тюрьме как «нежелательный иностранец». На самом деле, он был отличный мужик, доктор, эмигрировал из Германии при первых признаках неприятностей. Хелена переехала жить к тетке-англичанке. Ей удалось поступить в Женский королевский добровольческий корпус. А это вполне элитная организация, туда принимают девушек из хороших английских семей. Она всегда говорила, что ее семья родом из Польши. Правду сказать, они жили на самой границе, и иногда территория действительно оказывалась польской. Она очень старалась стать англичанкой.

КОРОЛЕВА: Прекрасно ее понимаю. Я ведь наполовину шотландка, а мой дед был наполовину датчанин. Обвинение – а это именно обвинение – в том, что ты немка, наверняка было весьма болезненным.

МОРИС: Она окунулась с головой в общественную деятельность и достигла больших успехов, работала в различных женских, благотворительных, церковных организациях... А теперь она кто? Пенсионерка, выбирающая мятые помидоры поцелее.

КОРОЛЕВА: Думаю, вы сгущаете краски.

МОРИС: Возможно. Ее спасает непотопляемая практичность. А сейчас я бы хотел преподнести вам подарок. А то я... Похоже, придется скоро прилечь.

КОРОЛЕВА: Вам нехорошо?

МОРИС: Самую малость. Ничего страшного. (ОН С ТРУДОМ ДОБИРАЕТСЯ ДО МЕСТА, ГДЕ СПРЯТАН ПОДАРОК) Вот он. Все шестьдесят лет, каждый год, я откладывал по одному бриллианту. Не всегда это было легко, год на год не приходился. И каждый год немного золотой стружки, остатков, но только высшего качества, девятьсот семнадцатой пробы. Я сделал для вас подарок. Вы оцените красоту бриллиантов. (ПОДАЕТ ЕЙ САФЬЯНОВЫЙ ФУТЛЯР) Закончил работу недавно, несколько месяцев назад. Боялся не успеть.

КОРОЛЕВА: Не успеть?

МОРИС: У меня глаза сильно сдают. (ОБА ЗНАЮТ, ЧТО ПРИЧИНА НЕ В ЭТОМ.) Сейчас для такой работы мне понадобился бы электронный микроскоп.

КОРОЛЕВА: Но вы сказали, что у вас проблемы с легкими, а не с глазами. Можно открыть?

МОРИС: Конечно.

КОРОЛЕВА: (ОТКРЫВАЕТ ФУТЛЯР) Ах, мистер Ходжер... (ВЫНИМАЕТ И ПОДНОСИТ К ГЛАЗАМ ПЕРЕЛИВАЮЩЕЕСЯ ИСКРАМИ ОЖЕРЕЛЬЕ) Это...

МОРИС: Это главная работа моей жизни... Единственная безупречная работа. Неподвластная времени. Без единого изъяна и поправки. Единственное обещание, которое я сдержал. В отличие от обещания заботиться о Хелене и Ронни, которое мне сдержать не удалось. Я неудачник во всем, кроме этой работы. Это – мой триумф.

КОРОЛЕВА: Несомненный триумф, мистер Ходжер. Более изысканного ожерелья мне не приходилось видеть.

МОРИС: Двойная ривьера из белых бриллиантов. В верхнем ряду бриллианты огранки «багет» в рельсовой закрежке, в нижнем – камни изумрудной огранки... нижние на одну фракцию крупнее верхних. Ровно шестьдесят бриллиантов. В каждый вложил душу.

ЗВОНИТ ТЕЛЕФОН.

ХЕЛЕНА: (ИЗДАЛИ) Извините, Ваше Величество! Морис, возьми, пожалуйста, трубку. У меня руки мокрые.

МОРИС С РАЗДРАЖЕНИЕМ ПОДНИМАЕТ ТРУБКУ.

МОРИС: (ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ) Прошу прощения... Алло... Ронни?... Здравствуй. Как дела у тебя?... Отлично, отлично... Спасибо... Ну как себя в девяносто лет можно чувствовать?... Нет, нет, я здоров. Мама преувеличивает... Практически здоров. Не считая подагры... Слушай, могу я тебе перезвонить? У меня гости... Да, угадал... Нет, не шучу... Минутку. Ронни спрашивает, можно ли с вами поговорить.

КОРОЛЕВА: Разумеется. (МОРИС ПЕРЕДАЕТ ЕЙ ТРУБКУ) Алло, Ронни? Да... Да, это я. Нет, доказать не могу. Нет, корона на мне не надета. Пива я не пью, но благодарю вас за приглашение... Спасибо. До свидания.

ПЕРЕДАЕТ ТРУБКУ МОРИСУ.

МОРИС: Алло... Да, голос точно как на Рождество в телевизоре... Спасибо, Ронни, спасибо... Я должен идти... Нет, не надо приезжать. Не надо. Нет такой необходимости. Передай привет внукам... и Дине. И... береги себя... Я горжусь тобой. До свидания. До свидания. (КЛАДЕТ ТРУБКУ) Прошу прощения. Это было невежливо с моей стороны.

КОРОЛЕВА: Ничуть. Даже не представляю, как бы я смогла не разговаривать с детьми целых два года. Несмотря на наши, если верить газетам, чудовищные скандалы.

МОРИС НЕУКЛЮЖЕ ПЫТАЕТСЯ ДОСТАТЬ НОСОВОЙ ПЛАТОК.

МОРИС: У стариков всегда слезы близко. До пятидесяти пяти слезинки не выдавишь, а потом льет как из ржавого крана.

ЧТОБЫ СПРЯТАТЬ ВОЛНЕНИЕ, МОРИС ИЗУЧАЕТ ОЖЕРЕЛЬЕ.

КОРОЛЕВА: Мистер Ходжер, я, как вам известно, имею счастье владеть прекраснейшими драгоценностями на свете. Однако, я не умею по-настоящему оценить их красоту и совсем не разбираюсь в ювелирном деле. Я просто хранительница бесчисленного количества различных «предметов», в том числе драгоценных. И моя коллекция регулярно пополняется. Наш дом давно превратился в хранилище ценных вещей. Конечно, подарки друзей имеют свою, совершенно особую ценность. Ваш подарок среди них уникален. (ПОДБИРАЕТ СЛОВА) Однако же...

МОРИС: Однако же... вы не можете его принять.

КОРОЛЕВА: Почла бы за счастье принять, но... мне 86 лет. В моем возрасте неуместно носить такое роскошное ожерелье. Завещать внучке? Или жене внука? Но для их коллекций это будет просто очередное ожерелье, его историю они никогда не узнают. После меня не останется тайника с любовными письмами, мое царствование – образец благопристойности. И сдержанности. Сдерживайся при любых обстоятельствах. Словно тебя нет вовсе. Но люди-то ждут проявления чувств. Я говорю не гибели Дианы, когда мы жили будто в стеклянном доме, у всех на виду... Помните катастрофу над Локерби двадцать пять лет назад? Когда на борту самолета взорвалась бомба, и было столько погибших? Я всегда сожалела, что не поехала туда лично. Тогда пресса еще не считала возможным критиковать меня за «сдержанность». Но я знаю, что поступила неверно. Трагедия слишком значительная, одних соболезнований было недостаточно. Мои родители обязательно поехали бы сами, и мои дед и бабушка тоже... Когда я была маленькой, мы присутствовали на каком-то публичном шествии, сейчас не помню где. Я сказала бабушке, что надо побыть подольше, потому что всем нравится, как мы машем руками. Она немедленно отвезла меня домой. И сказала: «Сдержанность – главное достоинство королей». Пожалуй, я приняла ее слова слишком близко к сердцу, и моя сдержанность стала сродни надменности... Ваш подарок слишком хорош для меня, мистер Ходжер, я его не заслужила. В этом ожерелье воплощена любовь, длившаяся шестьдесят лет, целую жизнь. А мы провели вместе лишь несколько прекрасных часов.

МОРИС: Но любовь – она же и вправду была?

КОРОЛЕВА: В тот вечер повстречались девушка – не жена, не мать и даже еще не королева, и юноша – не муж, не отец и даже еще не ее верноподданный... Да, все было... На те несколько часов – время остановилось. Та ночь была великолепна, как бриллианты в вашем ожерелье. Без единого изъяна. Память о ней – для меня ценнее всяких бриллиантов. Я держу в руках ваше ожерелье и люблюсь им. И я держала в руках ваше сердце. Надеюсь, я его не поранила.

ОНА БЕРЕЖНО ПОДАЕТ МОРИСУ ОЖЕРЕЛЬЕ.

МОРИС: Ах, Ваше Величество... Я... Простите. Ах, боже мой... (СНОВА ВЫТАСКИВАЕТ ПЛАТОК) Благодарю вас. Благодарю. За все, за все.

КОРОЛЕВА: (ЗАМЕЧАЕТ КОМПАКТ-ДИСК) Елизаветинская серенада? Очень кстати.

МОРИС: Это подарок от моей сиделки, Кэти. Милое создание. Сегодня у нее выходной.

КОРОЛЕВА: Сожалею, что не могу с ней познакомиться. Особенно в свете того, что вы, по вашему уверению, практически здоровы.

МОРИС: Поставить музыку?

КОРОЛЕВА: Сделайте одолжение.

ОН СТАВИТ ДИСК В ПРОИГРЫВАТЕЛЬ, НАЖИМАЕТ КНОПКУ. ЛЬЕТСЯ МУЗЫКА. ОН ОБОРАЧИВАЕТСЯ, СМОТРИТ НА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО. ОНА ВСТАЕТ, ПРОТЯГИВАЕТ ЕМУ РУКИ. ОНИ МЕДЛЕННО, БЛАЖЕННО ТАНЦУЮТ. МОРИС СЛАБЕЕТ. ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ПОМОГАЕТ ЕМУ СЕСТЬ В КРЕСЛО. ОН СОВСЕМ БЕЗ СИЛ, НО СИЯЕТ ОТ СЧАСТЬЯ. ОНА ВКЛАДЫВАЕТ ФУТЛЯР С ОЖЕРЕЛЬЕМ ЕМУ В РУКИ. ВХОДИТ ХЕЛЕНА.

ХЕЛЕНА: А что это у вас мороженое совсем растаяло?

КОРОЛЕВА: Извините, мы заболтались и забыли о нем... Чай был превосходный. Благодарю вас. Мне пора.

ХЕЛЕНА: Но вашего автомобиля еще нет.

КОРОЛЕВА: Не беспокойтесь, мой шофер ждет неподалеку. До свидания, мистер Ходжер. Благодарю за великолепный прием. (МОРИСУ) Не вставайте, сделайте милость.

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО И ХЕЛЕНА ИДУТ К ДВЕРИ.

ХЕЛЕНА: (ВПОЛГОЛОСА) Ну, спасибо вам. Посмотрите только на него. Не упомню, когда его таким довольным видела. Знаете, отблагодарить мне особенно нечем, так купила для вас пару лотерейных билетов. Никогда же не знаешь, авось да повезет? До свидания. (ЗАМЕЧАЕТ, ЧТО МОРИС НАБЛЮДАЕТ ЗА НИМИ. ДОБАВЛЯЕТ ГРОМКО) Спасибо, что зашли, Ваше Величество. Надеюсь, бриллиантовый юбилей пройдет отлично.

ОНА ПРИСЕДАЕТ В НИЗКОМ РЕВЕРАНСЕ. ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВЫХОДИТ.
ХЕЛЕНА РАСПРЯМЛЯЕТСЯ И ЗАКРЫВАЕТ ДВЕРЬ.

ХЕЛЕНА: (НАЧИНАЕТ СОБИРАТЬ СО СТОЛА. ВОЗМОЖНО, ЖУЕТ БУТЕРБРОД.) Ну, славно посидели, да? Королева к нам на чай заходила. Кто бы мог подумать? Ты доволен теперь? (МОРИС УЛЫБАЕТСЯ И КИВАЕТ) Вот и слава богу. Я тебе сейчас тапочки принесу. А Кэти придет, присоединит твои трубки обратно. Хочешь морфию? Нет? Это Ронни звонил? Я так и думала. Он добрый мальчик. Вы с ним хорошо поговорили? Ага. Ну, чудно. Он, может, осенью приедет, и мы все вместе пойдем на прогулку. По набережной. В точности как Ее Величество. (ЗВОНОК В ДВЕРЬ) Никак она позабыла что? (ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ) Здравствуйте еще раз, вы что-то забыли?

КЭТИ: (В РОЛИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА) Извините, что опоздала. Тут за углом напротив больницы случилась авария. Самосвал врезался в огромный роскошный бордовый «бентли» да еще сбил шестерых на автобусной остановке. По счастью, серьезных травм нет.

ХЕЛЕНА: Вы же у нас только что были?

КЭТИ: Нет, с чего вы взяли?

ХЕЛЕНА: Погодите... Как же так...

МОРИС ЗАВАЛИВАЕТСЯ НАБОК. НА ЕГО ГУБАХ ПО-ПРЕЖНЕМУ ТИХАЯ УЛЫБКА. В РУКАХ ОН СЖИМАЕТ ФУТЛЯР С ОЖЕРЕЛЬЕМ.

КЭТИ: Мистер Ходжер! Мистер Ходжер! Вам нехорошо? Мистер Ходжер. (БРОСАЕТСЯ К НЕМУ. ПРОВЕРЯЕТ ПУЛЬС, ДЫХАНИЕ... ПАУЗА) Скончался.

ХЕЛЕНА: Ах, Морис. (ПАУЗА) Так это, значит, она сама приходила. Ты, значит, правду говорил.

ФУТЛЯР ПАДАЕТ.

ХЕЛЕНА САДИТСЯ НА КОРТОЧКИ ВОЗЛЕ МОРИСА, ПОДБИРАЕТ ФУТЛЯР. ОТКРЫВАЕТ.

ХЕЛЕНА: Ах, Морис... (ЧИТАЕТ ВЛОЖЕННУЮ ВНУТРИ ОТКРЫТКУ) “Королеве моего сердца”. Какой же он у меня заботливый...

(СЛЫШЕН ГРОХОТ СТИРАЛЬНОЙ МАШИНЫ НА БОЛЬШИХ
ОБОРОТАХ – ЭТО ОТЖИМ) Теперь можно купить новую
стиральную машину.

СВЕТ МЕДЛЕННО ГАСНЕТ. ЗАТЕМНЕНИЕ.

НА ПОСЛЕДНИХ ТАКТАХ «ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ СЕРЕНАДЫ»
ЗАЖИГАЕТСЯ СВЕТ НА ПОКЛОНЫ.